

ДОМ БЕЗ ПРОШЛОГО

Алёна Истрова

Алёна Истрова

Дом без прошлого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69187804

SelfPub; 2023

Аннотация

Полина потеряла семью. Она возвращается в Санкт-Петербург, чтобы начать новую жизнь, а попадает на похороны. В доме, который хранит множество тайн, умирают люди, а Полина оказывается заложницей обстоятельств. Сможет ли она справиться с трудностями? Готова ли она исправить все ошибки? И какой секрет ее семья хранила более полувека?

Содержание

Предисловие	4
19 мая	5
20 мая	23
21 мая	39
22 мая	51
23 мая	63
24 мая	79
25 мая	87
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Алёна Истрова

Дом без прошлого

Предисловие

Тяжелые, грузные шаги уставшего человека, давно позабывшего о надежде, эхом разносятся по подъезду. К свежее выкрашенным перилам он не прикасается, чересчур медленно продвигается вверх, но и спешить больше некуда. Если бы когда-то можно было продать душу за шанс все изменить, он бы ее, несомненно, продал. Просто за возможность жить иначе. Тогда бы продал. Не сейчас.

Есть цель, уверенность в собственной справедливости и ненависть, ослепляющая злость, примешивающаяся к отчаянию и безумию, вливается в каждый шаг.

За сломанную судьбу пришлось время платить.

Он думал, что это будет на порядок сложнее. Гораздо сложнее. А оказался суший пустяк. Очень легко быть хищником, когда жертва столь наивно и доверчиво открывает дверь.

– Поздно уже. Я жаждалась.

19 мая

В огромной квартире, где только на полноценную уборку уходило два дня, я еще не освоилась. Все вокруг напоминало о детстве и моей семье: и столетний сервант в самой маленькой комнате, и неудобная кухонная мебель, и кладовка, в которой легко было можно свернуть себе шею, поэтому для маленького ребенка вход туда был закрыт.

Но сейчас я здесь хозяйка.

Не потому что оказалась настолько проворной и умной, чтобы занять главенствующую позицию в семейной иерархии, а потому что никого не осталось.

– Вам сюда нужен целый штат уборщиков вызывать, – заметил долговязый грузчик, неся мои сумки.

Значит, не только я об этом подумала.

Масштаб поражал воображение. В детстве мало размышляешь о таких вещах, как наведение порядка или стоимость ремонта.

В ноябре, под первую завывающую метель, я приземлилась в Пулково с чемоданом, в который влезла зимняя, хорошо утепленная куртка и домашняя пижама. Это было все, что я еще не перевезла. Я никого заранее не предупредила, я не просила, чтобы в аэропорту встречали, я купила билет и неожиданно поняла, что он в один конец. Хотя до этого жизнь на два дома и города выглядела заманчивой.

– Считаете, все настолько плохо?

Мне прихожая казалась чистой, лишь след от мужского ботинка портил вид, но это не проблема.

– Так пыли, наверное, целый ворох. Три дня не протираешь – дома везде пыль. Здесь совсем беда. Сколько комнат? Пять? – он запрокинул голову, будто на потолке светилось табло с документами на квартиру.

– Шесть, – механически ответила.

– Тем более.

– Для начала самой надо понять, где и что лежит, – желтую сумку я собиралась поставить ближе к кухне, ведь там посуда, но мужчина считал иначе – разместил у вешалки для курток.

Посторонние люди в этом доме всегда были нежелательны, бабушка редко доверяла незнакомцам, морщившись при каждом упоминании о визите мастера, а уборкой тут тридцать лет подряд занималась одна и та же женщина. Сейчас Вера Аркадьевна на пенсии, где-то в Купчино воспитывает внуков, сорванцов, способных разнести даже концертный зал, площадью на тысячу посадочных мест, за считанные минуты.

– Интересное у вас имя, девушка, – мужчина активно поддерживал искусственный разговор.

– Чем? – знал бы он, сколько раз я слышала и восторженные комментарии, и убогие шутки по поводу имени.

Скорее бы ушел, если честно. Вещи занесли. Целый вечер

уйдет на то, чтобы разобрать и разложить их по дому.

Благо моя комната ждала меня все эти годы.

– Аполлинария. Первый раз слышу, – протянул он, разглядывая опись доставляемого груза и данные заказчика, то есть, мои данные.

Мои родственники обожали две вещи – деньги и самолюбование. Каждому, кто родился в нашей семье, старались дать имя, вызывающее повышенный интерес у окружающих. Всю жизнь с этим мучаюсь.

– Можете тоже так кого-нибудь назвать, – я не знаю, насколько уместно резко отвечать практически незнакомому человеку. Пусть он сообразит, что сейчас уже середина дня, утро мы провели, познавая тонкости и радости переезда, и оба устали.

– Нет, у меня сыновья.

Ценная информация.

– Спасибо, – я кивнула, подписала бумажку, что вещи доставили в целости и сохранности, потом намекнула ему на выход, – Большое спасибо. Обязательно оставлю хороший отзыв.

Мужчина, кажется, понял.

– Купили или унаследовали?

Нет, не понял.

Было видно, насколько интересна ему квартира. Для него здесь все искрило золотыми квадратными метрами. Но я не гость. Здесь я вижу наивную девочку, играющую в прятки

с теми, кто о ней в очередной раз забыл, вижу собственных родителей, о чем-то спорящих до хрипоты, будто вижу молодость бабушки и дедушку, которому не суждено было постареть. Все эти бесконечные воспоминания и фантазии проходят сквозь сознание, раня до ощутимой боли. Мне здесь бывает нечем дышать.

– Я хочу отдохнуть, – сказала прямо, не вдаваясь в подробности своего морального состояния.

– Ухожу, – мужчина взял бумаги, не переставая рассматривать стены и потолок.

– До свидания, – я провела его к двери.

Разворачиваясь и прислоняясь затылком к двери, поставила себе прочерк в графе «гостеприимство» рядом с жирным минусом, подчеркнутым, как «не напоила чаем». Отвратительное поведение. Поскорее хотелось избавиться от его компании, что даже воды человеку не предложила. Невольно отметила свое сходство со всей нелюдиминой родней.

Большая часть косметики и предметов гигиены лежала где-то на дне оранжевой сумки, которую требовалось полностью разобрать, поэтому я ограничилась крошечной баночкой геля для душа, припасенной на крайний случай. Пробник из магазина. Как знала, что пригодится.

В ванной комнате под контрастным душем старалась ни о чем не думать, вообще ни о чем, с этой обстановкой еще надо свыкнуться. Крутила краны, переходя с ледяной воды на

кипяток, распаривая кожу. Лицо покраснело. Щеки покрывал не приятный румянец, а свекольные пятна. Как правило, я по утрам мою голову и наношу маску на постоянно путающиеся локоны, но сегодня утром, выдавив желеобразное средство на ладонь, поленилась, смыла его струей и собрала волосы в пучок. С ним проходила день и мылась сейчас, не намочив. Тяжелые волосы опали на плечи, когда стащила с них тугую резинку.

Следующая остановка – спальня бабушки. В нее можно попасть двумя способами: пройдя по длинному коридору, из которого есть выход в любую комнату, или через кухню и кабинет. Высокие потолки создавали иллюзию простора. Если сейчас не заходить в спальню, сделать вперед шагов семь, то окажешься в самой большой комнате. Полукруглой. С тремя окнами. Их широкие подоконники не уступают диванчикам.

В спальне все было так же идеально, как и в день, когда я узнала, что бабушки больше нет. Кровать заправлена. Одежда в шкафу висит настолько аккуратно, что хоть сейчас можно на показ отдавать, документы остались на своих местах. Бабушка всегда любила порядок. Порядок во всем. Я этот порядок не тревожила.

Круглая деревянная ручка поддалась не с первого раза, кладовка не хотела впускать новую хозяйку. В протертом гостевом халате, не достававшимся, наверное, никогда, и тапочках на босу ногу я сделала то, о чем мечтала с момента появления в моей голове осознанных мыслей – я зашла

в кладовую, где складировали нужные и ненужные воспоминания. Одна. Без сопровождения бабушки, которая, если и разрешала посмотреть, то поверхностно.

Печальная картина.

Десятки коробок, сотни книг, тонна вещей из далекого прошлого. То, что копилось десятки лет. Все это придется разгрести. Выяснить, какие вещи понадобятся, какие не понадобятся, какие можно выбросить, а какие стоит сохранить для следующих поколений.

Рядом появился Фунтик. Ему не понравилось, что я до сих пор его не накормила.

– Сейчас, – сказала громко, – Видишь, какой сложный день.

Покрутив в руках дряхлый блокнот, не нашла в себе сил начать разбирать это прямо сейчас.

Есть и мои личные вещи. Вот с них начну.

– Только не лопни, – Фунтик довольно урчал, услышав хруст пакета с кормом, – Все так просто. Открыла пакет, насыпала – ты наелся. Мне тоже так поужинать?

Под удивленным взглядом Фунтика я осознала, что говорю с котом. Более того – обсуждаю с ним меню на сегодня.

Глядя на него, голод ощутила и я. Нормально ела лишь позавчера. Отправившись в торговый центр за коробками для переезда, я заказала полноценный обед в убыточном ресторане на цокольном этаже. Почему убыточном? А собственники обсуждали его продажу. Краткий курс бизнеса: не взду-

майте покупать предприятие, если его соучредители-продавцы дрожат от нетерпения, выдыхая – «наконец-то». Но готовят у них вкусно. Я сначала была удивлена, что они потерпели крах, но администратор с барменом принялись обсуждать мои старенькие кроссовки, не соответствующие статусу ресторана, и все сразу встало на свои места.

К счастью, я знала, где дружелюбный персонал. И, вытаскивая презент для знакомой официантки, спустилась во двор. В том самый, где когда-то лепила куличики с друзьями в подгузниках. Оказалось, что спустилась очень вовремя, потому что именно в этот момент странные личности собирались пинать колеса моей машины.

– Не помешала? – я подошла к вандалам.

Две девушки. Та, что была намного ниже своей подруги, выглядела смущенной, ей явно хотелось поскорее прекратить данное безобразие. Вторую, высокую, чуть сгорбленную, в юбке до пола, мое появление никак не тронуло, наоборот – она начала с претензий.

– Девушка, это ваша машина?

– Моя. Есть вопросы? – я посмотрела ей в глаза.

На ровном месте назревал конфликт.

– Вопросов полно. Я, как старшая по дому, довожу до вашего сведения, что здесь парковаться могут только жильцы, – она указала на мой подъезд, – Переставьте, пожалуйста, машину.

Старшая по дому? Сколько ей?

Девушка, едва ли старше меня, днями напролет гоняет нерадивых жильцов или списывает показания со счетчиков в квартирах, где они явно занижены? Неужели не нашлось скупающей пенсионерки, которой надоели постановочные суды по телевизору? Взваливая на себя общественную деятельность, нужно быть очень социально активным человеком, иметь ангельское терпение в совокупности с неограниченным количеством свободного времени, чем молодежь, в основном, похвастаться не может.

– От всей души прошу прощения, но не переставлю. Я и завтра тут встану, потому что есть асфальт, и нет знака «парковка запрещена», – ответила я в ее доминирующем стиле.

Девушка скривилась и глянула на меня, как на назойливое насекомое – и терпеть невозможно, и прихлопнуть не получается.

– Яна, – представилась она, – Я подниму вопрос на общем собрании. Поверьте, тому, к кому вы заезжаете в гости, будет очень стыдно.

– Обязательно поднимите, – учту рекомендации, – И отойдите, пожалуйста, от моей машины, а то я нервничаю, когда ее трогают все подряд.

Яна сделала несколько шагов вперед и, воспользовавшись своим преимуществом в росте, посмотрела на меня сверху вниз:

– Приоритет у жителей дома, – еще полшага, – Я, как постоянный жилец, например, сегодня вернулась с работы и

что увидела? Безграничную наглость с вашей стороны. Прыгайте в машинку, сдавайте назад, надеюсь, умеете водить без посторонней помощи, и освобождайте территорию. Для гостей и знакомых всегда доступна ближайшая платная парковка.

Интонация, безусловно, должна была произвести впечатление, низенькая девушка сжалась от слов своей подруги и жестом показала мне – надо согласиться.

– Тронута вашей заботой, – я достала из кармана ключи от квартиры, – Жаль, не пригодится совет. Очень приятно познакомиться.

Не понимаю, зачем конфликтовать? Если тебя не устраивает, подойди и поговори по-человечески. Я не загородила выезд, не раскорячилась на три парковочных места.

– Допустим, – девушка чуть отошла, – Номер квартиры? Паспорт? Прописка?

– Дарственную не оформить? – заводилась я быстро, – Кстати, прописка сейчас называется постоянной регистрацией. Как это сама начальница дома и не разбирается в таких тонкостях?

Подул слабый ветерок, мимо пронесли мальчишки на велосипедах, постоянно обгоняя друг друга и петляя между прохожими, мы продолжали нелепую ссору из-за клочка парковки, не принадлежащего никому из нас.

– Девчонки, все в порядке? – от мужчины веяло теплом. Он нес к подъезду пакеты с продуктами, – Денек замечатель-

ный – ясный, солнечный, почти летний, прямо жить хочется. Хватит бензином у машин дышать.

Он широко улыбался и изображал типичного папу, отчитывающего молодежь за нежелание лишней раз выйти на улицу. Приглядевшись, можно понять, что мужчина уловил напряжение вокруг нашей троицы и подошел специально.

– Здравствуйте, – приветствовала его более адекватная из девушек, ее подруга в длинной юбке, Яна, здороваться вообще не собиралась, слегка кивнула, схватила за руку компаньонку, и они ушли.

– Машина? – понял мужчина.

– Как вы догадались? – я не сомневалась – весь разговор он слышать не мог, рядом не стоял.

– Все знают, что это ее пунктик, – мужчина с видимым облегчением поставил пакеты на дорогу, – Не страдают у нас люди вечными разборками по поводу парковки, кроме Яны никто возражать бы не стал, зато она каждый раз такой концерт устроит – сериалы снимать можно.

– Синдром вахтера. И это не лечится, – отметила я.

– Вроде того, – мужчина кивнул, – Простим ей эту слабость. Не обижайтесь и не принимайте близко к сердцу. Яна у нас особенная девушка, она с детства сирота. Отец погиб в аварии, отморозок какой-то вылетел на встречную полосу, лоб в лоб, мама не смогла долго с этим жить – бросилась, как я слышал, с моста. Яну взяла к себе бабушка, но бабушке и самой помощь не помешает. У них наследственная мания на

скандалы с соседями.

Начинаю думать, что съемная квартира меня устраивала больше. Она ограждала от публичности. Переводила я деньги раз в месяц на карту, общаясь с хозяйкой посредством сообщений, с людьми встречалась иногда возле лифта.

– Распространяете чужие секреты?

– Об этом все знают, – мужчину мое замечание обидело.

– Извините, – изменила линию поведения, хватит на сегодня проблем, – Мне, конечно, горько от чьих-то страданий, Яне я искренне сочувствую...

– Но ее грубость оправдывать не собираетесь, – закончил за меня.

– Верно.

Мужчина взгляделся в мое лицо, словно оставил дома очки, в его серых глазах цвета пасмурного неба промелькнуло узнавание.

– Вы Полина? – протянул руку.

Его зовут Михаил, дядя Миша. Честно пыталась вспомнить. Его мимика и жесты мне знакомы. Готова поставить на то, что неоднократно встречала дядю Мишу в этом дворе. С одиннадцати лет я жила у моря, к бабушке приезжала редко и из квартиры не вылезала, зато, будучи ученицей младших классов, появлялась здесь часто. И дядю Мишу, и агрессивную Яну я, должно быть, знала.

Он не стал дожидаться, пока я сформулирую:

– Вы с моей дочкой на площадке играли, лет девятнадцать

назад, – Михаил провел рукой в воздухе, обозначая детский рост.

– Наверное, – стыдно говорить людям, что не помнишь их, – Здесь много ровесников бегало, иногда объединялись в компанию из пятнадцати человек, вряд ли мы узнаем друг друга сейчас.

У Михаила зазвонил телефон, он, не отвечая, засобирался:

– Рад был повидаться, – задержался на мгновение, – Соболезную вашей утрате.

Все испортил. Разговор с ним скрасил осадок после встречи с конфликтными девицами, но стоило Михаилу выразить свои соболезнования, как в груди защемило. Все знают о нашей горе, как знают и о горе Яны. И не забудут этого.

Испорченное настроение на планы никак не повлияло, поэтому, открывая дверь хорошо знакомого кафе, я взглядом искала Риту.

Рита нашла меня сама.

– Какими судьбами? – она положила меню на столик, улыбнулась и убрала со лба прядь, выбившуюся из-под косынки, – Наверное, год к нам не заглядывала.

– Может, полтора, – я достала из сумки заранее припасенный подарок, – Возьми, пожалуйста. Это для тебя. В твою коллекцию.

Фарфоровый слоник умещался на ладони. Рита собирает фарфоровые фигурки, так что с выбором проблем не было.

Благодаря фигуркам наше знакомство и развилось.

Несколько посетителей, перестав жевать, внимательно следили за процессом, коллеги Риты старались сосредоточиться на работе, но все равно то и дело посматривали в нашу сторону. Рита взяла подарок.

– Очень приятно, но какой у меня праздник?

– Хорошее настроение, – я сама выбрала столик, – Позволь старой знакомой тебя порадовать.

– Не такая уж ты и старая, – пошутила Рита, – Сейчас принесу меню. Где-то я его успела потерять.

С Ритой мы не были особо близки. Когда я приезжала к бабушке в последнее время, мы предпочитали обедать именно в этом кафе. Вкусно и надежно. Знали, что не отравят. Именно Рита всегда подходила к нам с радушной улыбкой, и я привязалась к ее непосредственности и доброте.

– Салат с лососем особенно удался, посетители без остановки хвалят, – Рита принесла меню, – Спагетти не заказывай, сегодня совсем не их звездный час.

Девушка вела себя, как настоящий профессионал.

– Сколько ты уже здесь работаешь? – спросила я, – Лет семь?

– На следующей неделе будет ровно восемь, – ответила Рита, – Вернусь попозже, у нас почти полная посадка.

Пока я выбирала, что смогу съесть после тяжелого дня, Рита приняла заказы у новых посетителей и успела часть из них принести.

– Как бабушка? – пробегая мимо, спросила Рита.

Она не могла знать, что бабушка похоронена на Южном кладбище. Да и откуда? Рита не была человеком, вхожим в круг доверия, по крайней мере, не для бабушки. А в эти полгода я обходила стороной любые заведения, напоминающие о близких людях.

Говорить или нет?

– Умерла полгода назад, – ответила, откладывая меню. Поесть после этого не получится, может, понравится кофе или хотя бы сок.

От неожиданности Рита села на ближайший стул.

– Вот, значит, почему ты здесь, – она сделала правильные выводы, потом опомнилась и пошла на кухню.

Бабушка не одобряла возникшие у нас приятельские отношения, она постоянно говорила, что «они нам неровня», имея в виду больше пьющую мать Риты, чем саму девушку. Едва Рита неосторожно упомянула о своем трудном детстве и матери-алкоголичке, я сразу об этом пожалела, наблюдая изменения в поведении бабушки. Я могла понять ее волнение обо мне, но не смогла простить надменный взгляд, коим одарили Риту. Лично для меня не было важно, кто ее родители, важно было лишь то, что Рита трудится без выходных с целью добиться всего, чего ей так не хватало в жизни. Я ей гордилась. Больше, чем собой.

– Мне очень жаль, – вернулась Рита и предложила салфетку.

– Спасибо.

– Элеонора...

Только не это. Только не сочувствие прямо здесь.

– Ты бы сочувствовала мне, если бы знала, как она на самом деле к тебе относилась? – давно хотела задать этот вопрос. Многие считали бабушку эталоном сильной женщины, способной на все, уважали ее, пересказывали истории про ее успехи, даже побаивались. Мало кто осознавал, насколько сильно она иногда их презирала.

Нельзя выдавать семейные тайны, а истинное отношение родственников к разным людям – это табуированная тема. Всегда. Сегодня я позволила себе немного выйти за рамки. Мне хотелось знать, что сочувствие Риты является неподдельным, что она в полной мере осознает, о ком говорит.

– Будто я ничего не замечала, – ответила Рита, – Элеонора считала меня и мою семью необразованными, неотесанными маргиналами. В ее глазах мои родители стали для меня приговором – и пьющая мама, и сбежавший отец.

Бабушка не терпела никаких слабостей, будь то страсть к неправильному мужчине или тяга к сладкому.

Боюсь, я обидела Риту.

– Она уважала твой труд, – сглотнула, – Честное слово. Извини за то, что сказала. Не знаю, что на меня нашло.

Правда, не знаю.

– Спасибо, – Рита собиралась добавить что-то, – Знаешь, после того, как ты вернулась в Сочи, Элеонора пришла сюда

одна и ждала меня. Я долго наворачивала круги по залу, избегая ее взгляда, а она поймала за руку и спросила, хочу ли я найти достойную работу не с туманными перспективами. Твоя бабушка обо мне позаботилась, понимаешь?

– Понимаю.

Скучная атмосфера местного кафе приобрела новые краски. Невероятно. Бабушка пришла сюда после моего очередного отъезда, дабы предложить Рите работу.

– Я отказалась, не люблю оставаться в должниках, однако ей было не все равно, а это намного дороже льстивого одобрения. Твоя бабушка была немного высокомерной и чрезмерно подозрительной, она боялась, что, заведя со мной дружбу, ты попадешь в плохую компанию или того хуже – пойдешь ко мне в гости, где тебя прирежет очередной мамин сожитель. Но в жестокости ее обвинить нельзя.

После признания Риты мне стало немного легче, я и не подозревала, что бабушка интересовалась ее судьбой, не скрою – это доставило огромное удовольствие.

– Ко всему прочему, она оставляла щедрые чаевые, – Рита потеряла рукав форменной блузки, – Сострадание в ней жило, это точно, пусть хоть как Элеонора меня называла.

– Это очень много значит для меня. Я рада слышать.

Ворчливый гость за третьим от входа столиком потребовал официантку немедленно, Рита туда не рванула, не ее работа.

– Какая-то ты не такая. Сразу видно, что мрачная, – заме-

тила Рита, попутно что-то показывая коллеге. Видимо, пора работать.

– Вообще-то, мы обсуждаем смерть моей бабушки.

– Я в курсе. Только ты пришла сюда уже с таким выражением лица.

Рассказывать Рите подробности знакомства с трудными соседями я не стала. Кофе попросила с собой.

– Подожди, – открылась прозрачная дверь, следом за мной из кафе выбежала Рита, держа в руках бумажный пакет, – Не хотела давить на больное. Не обижайся, пожалуйста. Поговорить совсем не могу, у нас управляющий сменился, выпишет мне штраф за болтовню на рабочем месте.

– Управляющему скажи, что сумасшедшая клиентка тебя заставила.

– Попробую, – Рита кивнула и усмехнулась, – Возьми это.

– Что тут? – я аккуратно раздвинула пакет.

– Ужин. Вряд ли ты наешься чашечкой кофе, – весело заметила она, – Ты пришла с подарком, у меня ответного подарка нет. Возьми.

– Какая ты хорошая, – не удержалась я.

Будет, чем поужинать. Несколько раз оглянувшись, чтобы рассмотреть Риту, я видела, как она улыбается.

Ужин не состоялся. Я зашла в квартиру, тщательно заперла двери, проверила каждый замок, потом поставила кофе и пакет с салатом на кухонный стол, освобождая руки, и пошла к сумкам, которые валялись на полу.

С ними провозилась до поздней ночи.

Ближе к трем часам вспомнила – на столе осталась еда.

С уборкой ничего не придумала за сегодня, а на новоселье пригласила друзей. Не демонстрировать ведь им бардак. Я оценила размер квартиры и полезла на известный сайт с анкетами разного персонала, и получила долю везения – разговорчивая женщина с красивым именем Анна, ей тоже не спалось, согласилась приехать утром и убрать.

Уснуть не получалось долго. Я нервничала по этому поводу, постоянно брала в руки телефон, включая и выключая экран, пыталась считать овец и контролировать дыхание. Ничего не получалось. Потом открытое окно, пустившее в комнату немного свежего воздуха, помогло мне расслабиться.

Перед самым погружением в царство Морфея показалось, что неподалеку раздались непривычные шорохи.

20 мая

Я ни разу в жизни не нанимала людей на работу. Папа нанимал, но не для дома. Бабушка, не знающая, каким средством чистить плиту, регулярно звала Веру. Мы с мамой придерживались политики, что сами можем содержать квартиру в чистоте. Странно это, когда за тебя моют твой пол. Вдруг Анна решит, что я бездарная неумеха?

– Примерную стоимость я озвучила. Устраивает или нет? – Анна провела рукой по пыльному комоду, – Не тороплю ни в коем случае, но, если вы не хотите, то я поеду к другим клиентам.

– Мне все нравится: и сумма и наше общение. Надеюсь, будем сотрудничать, – говорить было трудно. Стыдно, наверное.

Мелодия, поставленная на сообщения, отвлекла меня от разговора с Анной. Юлия спрашивала, насколько сильно я занята. Позвонила ей.

– Привет, – Юлия не церемонилась и перешла к сути, – Я в магазине. Есть красное вино за 1200 рублей, мы его покупали в прошлом месяце, и есть белое вино, мы его не пробовали. Что брать?

– Красное, – без всяких сомнений ответила я.

– Консерватор.

– Им была, им и останусь.

Все незнакомое обычно вызывало у меня недоверие. То красное вино мы пробовали, можем точно сказать, что оно не испортит вечер.

– К семи будем, – Юля, словно переспрашивала, не отменяется ли праздник.

– Хорошо, жду, – неловкая пауза, – Кто именно среди вас будет?

– В чем дело? – на секунду Юлю стало хуже слышно, она, видимо, взяла телефон иначе.

– Ты, – перечисляла я, – Вика со своим одноразовым парнем и Элина. Не больше?

В прошлый раз, когда состоялась дружеская встреча, Вика привела не только нового молодого человека, но и троих его друзей. Те друзья устроили шикарный дебош, разбив три стеклянных полки в квартире у Элины, за что жестоко поплатились, упав на осколки. Сами себя наказали.

– Свои. Я напомнила Вике о тактичности и уважении к чужой собственности, – на этом Юля со мной распрощалась.

Анна успела разложить вещи и приступить к уборке на кухне.

– Лучше начать с комнат, – я вернулась к ней, – Не успела позавтракать, поэтому пока побуду здесь. Не нужно сегодня особо тщательно убираться, поверхностно – полы, полки, мебель. Все поверхностно.

Женщина меня поняла.

– Без проблем.

Вместо завтрака у меня были несколько кусочков холодной индейки и то, что не доела вчера.

Анна оказалась энергичной и деятельной, мой чай не успел остыть, как полы сверкали по всей квартире, кроме бабушкиной спальни, куда я запретила заходить.

– Тысяча. Тысяча рублей за метр трикотажного полотна, – причитала Анна, протирая подоконник на кухне и незаметно подбираясь ближе к столу, за которым я сидела, – Где это видано? Лет десять к ним ходила и ходила, теперь уж нет, ни за что, другой магазин найду.

В тканях я разбиралась примерно так же, как и в машинах, то есть, могла сказать – красная или зеленая. На том возможности и заканчивались. Но Анна невероятно воодушевленно обсуждала проблемы, связанные с шитьем, что я невольно подключилась к диалогу.

– Трикотаж? Вы для себя шьете? – стало интересно.

– По-разному бывает, – Анна добралась до стола, – Подвиньтесь, пожалуйста. Шью и для себя, и для родственников, и на продажу периодически. Нынче намного меньше заказывают, чем раньше. Ну, а сейчас вообще ничего не шью.

– Смена вида деятельности? – не ради удовольствия она пришла убираться. Либо шитье надоело, либо денег не приносит.

– Смена дохода, – Анна совсем простой человек, однако иронию поняла и оценила. Она нравилась мне.

– Вынужденная?

Зачем мне это знать? Это ее личное дело, где и как она зарабатывает. Важно, чтобы приходила вовремя и убирала хорошо, с этим Анна могла справиться и с закрытыми глазами, не сомневаюсь. Зачем лезть к ней в душу?

– Неправильно выразилась, – Анна сполоснула тряпку в тазике, – Сменилось место заработка, к вам устроилась, к женщине с Невского проспекта. До этого убиралась в других квартирах. Шитье – всего лишь увлечение. Но вы в чем-то правы, я вынуждена временно забыть об этом увлечении, потому что моя швейная машинка забыла, как работать.

Женщина не жаловалась и не искала сострадания, она делалась.

А я кое-что вспомнила.

В кладовке, среди одежды, что потеряла товарный вид, была швейная машинка. Топорная и ручная, но рабочая.

В шестьдесят пять лет бабушка могла второй раз выйти замуж. Местный электрик Юрий зашел посмотреть неисправную розетку, и был наповал сражен не только красотой бабули, но и ее властным характером, когда она на все корки ругала его начальство. В поисках благосклонности пожилой вдовы он ежедневно приносил цветы, порой сорванные с клумбы, ягоды, грибы и огурцы, собственноручно закатанные в банки. Добрый он был и хозяйственный. Замуж звал.

Бабушке был не нужен ни сам кавалер, ни его подарки. После смерти деда ей никто из мужчин не был нужен.

При Юрии она случайно обмолвилась, что хочется сшить

новое платье, она имела в виду – пойти и заказать в ателье, но мужчина все неправильно понял и принес к двери тяжеленную швейную машинку. И отказалась бы бабушка, как отказывалась от любых подарков, но оценила его старания. К вечеру на свидание согласилась. Юрий ликовал.

На следующий день его не стало. Инфаркт.

Бабушка, конечно, отмахнулась, мол, он для нее чужой человек, познакомиться толком не успели, а я все-таки видела, что она молниеносно спрятала в шкаф свое любимое платье, приготовленное именно для свидания.

Подарок остался у нее. Изредка бабушка поглядывала на машинку и чему-то улыбалась, я думаю, гордилась она собой и поступком своего последнего кавалера. Пусть машинка совсем не новая, потрепанная и совершенно лишняя в доме, где никто никогда не шил, зато от всей его широкой души.

Я могла дать этому подарку новую жизнь, предложить тому, кому в разы нужнее. С одной стороны – Юрий принес для любимой женщины, с другой – лучше будет, если машинка перестанет пылиться в кладовке.

– У меня, кажется, есть то, что вам нужно, – я не чувствовала уверенности, – Машинка. Правда, она не имеет никакого отношения к современной технике.

Анна засияла, как кухонная тумба, которую она усердно натирала.

– Ручная, что ли?

– Угу.

– У меня, наверное, такая же, – женщина посмотрела на меня, будто наконец-то разглядела, – С удовольствием возьму. На время, конечно, почину свою – сразу привезу вашу обратно.

В кладовку я зашла одна, Анна ждала в коридоре возле бабушкиной комнаты, искала я недолго: машинка располагалась между стеной и тремя килограммами еще советских юбок. Сверху лежал джемпер. С ценником, между прочим. 35 рублей. Я усмехнулась. Это точно в стиле бабушки, она десятилетиями берегла вещи, аккуратно чистила их, складывала в стопочки и ни разу не надевала. Ждала особого случая. А потом они выходили из моды.

– Анна, помогите мне. Одна я эту громадину отсюда не вытащу.

Совместными усилиями мы переставили ее в коридор. Комнату я закрыла. Это до сих пор комната бабушки, потом осматриваю ее и что-нибудь придумаю.

– Сами вы точно не справитесь. Пять этажей без лифта, – я махнула в сторону лестничной площадки, – Второй день не работает. Кстати, не возвращайте машинку. Я все равно не умею шить.

– Сын заедет, он и поможет. Спасибо.

Гостей встречала у порога. С готовкой сегодня ничего не вышло. После ухода Анны, ее сына и швейной машинки, я планировала поспать, освоить тонкости японской кухни и

красиво оформить сервировку стола. Получилось поспать. Остальное доверила доставке еды.

– Всегда мечтала развлечься в доме, построенном до революции, – Элина зашла первой, вручив мне букет, и прошептала, – Береги свою нервную систему.

Я сначала не поняла, к чему фраза про нервную систему, потом увидела, как с хорошо знакомыми мне людьми в прихожей возникли двое посторонних: парень в красном пиджаке и девушка с корзинкой фруктов.

– Моя новая сестренка, – Вика обняла девушку, державшую фрукты.

– Твой папа снова женился? – без тени смущения спросила Юля, развешивая по крючкам свой плащ и шляпку.

– На прошлой неделе, – кивнула Вика, – Это Света, дочь моей мачехи, и ее жених Артем. Где вы еще такого красавчика возьмете?

Артем гордился собой, поправляя зализанную прическу. Вика находилась в состоянии эйфории, она экстраверт до мозга костей. Мы нервничали. Я взяла за руку Юлю и повела за собой в первую попавшуюся комнату.

– На меня не смотри, – сказала Юля, – Мы встретились у твоего подъезда. Откуда я могла знать, кого она притащит?

– Ты с ней ближе, – мне очень хотелось избавиться от незваных гостей, не обижая Вику, – Я готова была к тому, что придет ее парень, он не пришел, зато понаехали новоиспеченные родственники.

– С Викой невозможно быть ближе, – Юля плотнее прикрыла дверь, – Сегодня она тебя любит, а завтра пишет на твоём доме много обидной для тебя информации. Она исчезает на полгода без объяснений. Я уверена – будь у её мачехи хоть пятнадцать дочерей, Вика бы всех сюда привела. Ничего мне с этим не сделать.

– Выгонять их не стану, – пообещала я, – Прошу, помоги проследить за этой парочкой. Мало ли, что они натворят.

– Идет.

– Сейчас я без лишнего шума возьму ключи от комнат и запру двери. Веселье пройдет в большом зале.

– В стеклянном?

– В смысле?

Договорить Юля не позволила.

– Та комната в конце коридора. Я успела увидеть несколько огромных окон.

Стеклянная комната. Название мне определенно понравилось. Выпихнув Юлю обратно к друзьям, я выждала секунд десять, давая ей время увести их на кухню, и выскользнула в коридор. Ключи были в нижнем ящике моего стола.

Доверие к Юле или Элине безграничное, наши сложные характеры на честность не влияют, в чем убедилась неоднократно. К новым знакомым доверия не было. К Вике, видимо, его тоже скоро не будет.

На кухне, не донеся бутылку до зала, разливали по бокалам вино:

– Поляночка вернулась, – улыбнолась Вика, – Я похозяйничала немножко, извини.

Деликатность? Вика? Быть не может.

– Нестрашно, – ответила я, забирая бокал.

– Давайте, – громко призвала Элина, – За нашу радушную хозяйку торжества, за очаровательную, за, не побоюсь этого слова, гениальную Полину, способную вынести любые испытания, свалившиеся на ее хрупкие плечи. За то, чтобы у нее все было.

– За Полину, – присоединилась Юля.

– За светлое будущее, – поддержала Вика, ее новые приятели кивнули.

С новосельем, наверное, так не поздравляют, да и радости от новоселья немного, просто друзья искали повод растормошить меня.

Вика прибавляла и прибавляла громкость музыки, еще чуть-чуть и окна вылетят. Несколько раз я подходила к ней, перехватывала ее у колонки и просила этого не делать. Она соглашалась, гладила меня по плечу, как неразумного ребенка, гарантировала хорошее поведение. В течение десяти минут все повторялось. Во время 125-й попытки прибавить громкость, я просто вышла из комнаты, чтобы не наговорить лишнего, успев увидеть, как к танцующей Вике подошла Юля. Стало тише.

– Красишься? – Артем, сидя прямо на полу кухни, задал

мне нетривиальный вопрос.

– Помада. Тени. Подводка. Тебя что из этого интересует? – общаться с ним не хотелось. Несколько раз парень пытался покурить в квартире, в то время как его девушка вскрывала купленные бутылки с алкоголем. Мне не жалко. Но можно было и спросить. Про алкоголь, естественно. Курить в помещении я не разрешу ни при каких обстоятельствах.

– Помада, – сказал он, – Желательно такая, какой ты сегодня накрасила губы, хочу попробовать лиловый тон.

– Не язви, – я взяла стакан и налила туда воды. С прочими напитками, наверное, на сегодня хватит.

– Зачем тогда иронизируешь, если не готова воспринимать юмор в ответ? – ухмыльнулся Артем, доставая пачку сигарет с зажигалкой.

– Не в моей квартире.

Я выхватила зажигалку.

– Грубо, – притворно расстроился он, – Вообще я спрашивал про волосы. Очень интересный цвет, иногда, под определенным углом, кажется, что они не черные, а фиолетовые.

– Надо меньше пить, чтобы черный не казался фиолетовым, – отрезала я.

Артем был далеко не самой приятной компанией. Единственная альтернатива сейчас – это вернуться к остальным. Если вернусь, то, боюсь, скандала с Викой не избежать.

– Попробуй нормально общаться с людьми, – парень с по-

ла пересел на стул возле окна, – В форточку тоже нельзя курить?

– Даже, если ты повиснешь на веревке за окном, все равно будет нельзя, – я не понимала, почему некоторым персонам нужно повторять по пятнадцать раз.

– Такая красивая девушка, такая просторная квартира для вечеринок, – Артем покрутил в руках сигарету, потом подумал, – И такая скука, – он убрал сигарету в карман.

– Эта квартира для жизни, не для вечеринок и пьяненьких знакомых-однодневок, обчищающих твой холодильник.

Еда, заказанная сегодня, базировалась в большой комнате, все пробовали пиццу и мясо в кисло-сладком соусе. Артему же интереснее выгрести остатки апельсинов из холодильника, что заметно по кожуре, небрежно брошенной в раковину.

– Сделаю вид, что мне не обидно, – Артем даже попытался встать, изображая поклон из полусогнутого положения, – Кстати, ваш сыр не имеет ничего общего со словом «вкусно».

– Не нравится – не ешь.

Уговаривать и просить – «пожалуйста, только не обижайся», я не стала. Он мне никто. К утру уедет со своей невестой, и больше никогда не увидимся.

– Тебе можно позавидовать, – сказал он, собираясь оставить меня в одиночестве.

– Ты не похож на человека, который способен кого-то похвалить без подвоха. Предположу, что причина зависти явно

неприятно для меня прозвучит.

– Твои родственники не скупились на наследство, – заметил он.

Кто сомневался? Сейчас мне предстоит в миллионный раз выслушать, какая я плохая, потому что нагло пользуюсь имуществом моей семьи. Пусть говорит, если хочет.

– Давай, – предложила я, – Наговори мне кучу гадостей, если тебе станет легче от этого.

– Не станет, – Артем забрал у меня стакан с водой, – Квартира волшебная. Каково это? Каково знать, что девяносто процентов людей о таких хоробах всю жизнь мечтают, а ты уже сейчас можешь наслаждаться? Что там мечтают – многие убить за роскошное наследство готовы. Многие.

От его слов по мне прокатилась ледяная волна. Что я ему сделала? Первый раз в жизни сюда пришел и уже хочет затоптать меня в асфальт. Хотя бы морально.

– Я бы убил, – приблизившись вплотную, добавил Артем. По его карим глазам невозможно определить, веселится он или реально об этом думает. Артем глотнул воды, откусил от бутерброда, который взял со стола, и отошел подальше, разглядывая меня. Ждал реакции.

– Я не привыкла желать людям зла.

Сам по себе Артем меня не пугал, конечно. Щупленький, очень истеричный мальчик с запросами до небес. Их достаточно. Люди, которые не умеют наслаждаться собственной жизнью, если не унизили кого-нибудь другого. Пугал не он.

Пугало подобное мнение.

Артем вышел в коридор. В стеклянной комнате, перекрывая все остальные звуки, громыхнула музыка. Вика добралась до колонки. Остановить ее я не успела: стук в дверь застал меня как раз, когда выходила из кухни.

Явно соседи. Ну, Вика. Дорого тебе это будет стоить.

– Мы все понимаем, – соседка возмущалась, когда я с ней поздоровалась, – Молодые, легкие на подъем, не думающие о последствиях. Понимаем. Сами были студентами. Но и вы нас поймите, дорогие мои. Завтра вставать на работу в семь утра, не все работают посменно.

Понимание, конечно, было. На ее месте я бы разговаривала не особо вежливо.

– Одну минутку, – ответила я, – Сейчас прекратится.

Женщина плотнее запахнула халат, который ей мал. Ростом она оказалась даже ниже меня. Я считала себя невысокой. Но женщина была еще ниже. Пухленькая, решительно настроенная, но, очевидно, добрая дама, раз не ударила меня сразу после попадания в квартиру.

По коридору я пробежала, влетела в комнату, как спортсмены в свои лучшие годы, и не просто вырубил колонку, нет, я ее отобрала.

– Ты что? – Вика хотела перехватить источник шума. Элина перехватила Вику. Артем, закинув руку на плечи своей невесты, отсалютовал мне бокалом.

– Спасая людей от вас, – я ушла с колонкой.

Женщина буквально засыпала стоя, глаза у нее закрывались сами собой.

– Все? – спросила она.

– Да, – показала колонку, – Будет тишина. Клянусь.

– Очень рада, что смогли нормально договориться, – она перестала быть настороженной и недоверчивой, широко улыбнулась, – Самой хочется хороших отношений с соседями.

– Абсолютно согласна, – положила колонку на столик в прихожей, из комнаты доносились звуки разгорающейся ссоры, – Вы из какой квартиры?

– Из тридцать седьмой, – женщина стала милее и уютнее, – Из той, которая слева от вас. Через дверь.

Так она не просто соседка. Она ближайшая соседка. Нас разделяли всего шесть метров и одна квартира.

– Полина, – я, как подобает, представилась.

– Татьяна Семеновна, – ответила женщина, – Можно просто Таня, я к этому спокойно отношусь.

– Очень приятно, – кивнула, – Простите за эту ситуацию, они уже уходят.

Я говорила, осознавая, что гости сейчас стоят в комнате, молчат и вслушиваются в мои слова.

– Спасибо, – Таня оставила нас одних.

Машина, музыка. Такими темпами я перейду в ранг нежелательных обитателей дома, получив презрение от всех соседей. Друзья затихли. Отказывать им сложно, выставлять

посреди праздника – невообразимо.

– Нам, видимо, пора, – спасла меня Эля.

Я покивала, глядя на нее с благодарностью.

– Одевайтесь, хватайте свои башмаки и покидайте помещение, – сказала Юля, – Вика, с тобой позже побеседуем.

– Сильно не бейте, – мимоходом заметил Артем, – Это я ее заставил организовать культурное мероприятие.

– Не ври, – ответила ему Эля.

– Спасибо, – тихо сказала я.

Ребята покидали меня, забирая свои плащи и туфли, Артем надел ботинки вообще на лестнице, чтобы не загораживать другим проход. Эля потянулась ко мне.

– У меня командировка в Казань, – она прижалась, прощаясь на время, – Последний свободный денек завершился, буду скучать, по тебе уж точно. Квартира потрясающая, только...

– В чем дело?

– Ты здесь жить не сможешь, – Эля погладила по спине, – Все вокруг принадлежит твоим предкам, бабушкам и прабабушкам, а не тебе. Я чувствую, насколько это неподъемная ноша.

– Нормально, – я тоже буду по ней скучать.

– Задумайся о продаже.

Они ушли, включая обеспокоенную Элю.

О продаже я думала и полгода назад, взвешивая положительные и отрицательные моменты. Моя бы воля – собрала

вещи за день. Однако это жилье не просто крыша над головой или выгодное вложение, это часть моей семьи, часть меня.

21 мая

Утром я достала утепленную куртку, не будучи в восторге от погоды, и пошла в супермаркет за продуктами. Доставки, конечно, вкусно и удобно, но постоянно жить с полупустым холодильником нельзя.

Список длинный.

Дома не было ничего, кроме хлеба и остатков вчерашней роскоши. Придется сегодня вынести половину магазина, ведь даже крупы дома отсутствовали. Я упрямо волочила тележку по супермаркету, складывая все, что попадалось на пути.

– Сыр... Что со сроком годности? – бормотала себе под нос, – Маловато осталось до окончания, найду другую пачку.

Три палки колбасы. Четыре вида замороженных овощей. Яблоки, положенные к бананам на перспективу молочного коктейля. Блендером, правда, не обзавелась, но как раз будет смысл приобрести.

На кассе половину товаров пробить не смогли, что-то с системой, меня это не расстроило, потому что, оценив внушительную гору продуктов, я сразу поняла – не дотащу. Надо было ехать на машине.

Донесла до квартиры – выгрузила на стол и тумбы – пришла за новой партией.

– Ты постоянно звонишь именно тогда, когда я в магази-

не, – сказала, отвечая Юле.

– Ну, это я умею, – она чему-то улыбалась, – Не забыла про рабочую неделю? Отгулы и выходные иссякли.

– С тобой забудешь.

– Ясно, – сказала она, – Увидимся завтра.

По дороге домой я свернула с основного маршрута и заглянула в небольшой зоомагазин, что скрывался за деревьями.

Фунтику нужна лежанка, предыдущая потерялась при переезде, а без нее он начинает ложиться на голый кафель, даже не на паркет, видимо, чтобы я лучше прочувствовала свою вину.

– Домик не хотите? – девушка расставляла упаковки самых разных кормов и параллельно отвечала на мои вопросы.

– Знаете... – я задумалась. Он у меня очень капризный, домик с первого раза может и не принять в качестве подходящего места для сна. Хотя попробовать стоит.

– Корм? Игрушки? – девушка поправила несколько ошейников, потом прошла по узкому коридору, подхватила клетку для хомяков, поставила ее на полку и приблизилась ко мне, – Сейчас посмотрим.

В кормах и игрушках Фунтик не нуждался.

Мы рассмотрели несколько вариантов: не слишком глубокую и мягкую лежанку, ему не нравятся высокие бортики, еще одну лежанку, только круглую, и два аккуратных домика. На одном из домиков были ушки, что выглядело очень

мило.

– Давайте и лежанку, которая круглая, и домик с ушками, – подвела я итоги, – Пусть будет альтернатива.

От магазина до дома пять минут. Пять тяжелейших минут с двумя неудобными вещами и пакетом продуктов.

Из-за того, что обе руки были заняты, я не сразу заметила маленькую странность при попадании в квартиру. Прошла. Скинула порядком истоптанные, зато любимые ботинки, нашла место для домика, на который сверху бросила лежанку, и только тогда сообразила.

Нижний замок сейчас сделал два оборота. А закрывала я на три.

Проверить воду, газ, розетки и окна – это тот минимум, от которого я никогда не отклонялась. И, естественно, замки. Неважно, насколько далеко и надолго я ухожу, дверь должна быть заперта полностью. Два замка по три оборота? Значит, не меньше.

Сейчас я точно знала, что не провернула ключ в третий раз.

Впервые пожалела о количестве комнат. Будь это стандартная однокомнатная квартира, я бы управилась за минуту: достаточно осмотреть ванную и глянуть под кровать, при этом, не теряя выход из поля зрения и имея все шансы выскочить в любой момент. Здесь это не работает. Хочешь убедиться в безопасности? Пройди все шесть комнат, не включая санузел, кухню и две кладовки, о том, чтобы заглянуть в

которые, сейчас и подумать страшно.

Довольный Фунтик принялся трогать лапой покупки.

По всем правилам безопасности в такой ситуации нужно покинуть жилище незамедлительно.

– Бежим? – спросила я шепотом у Фунтика.

Я читала эти правила безопасности, я много раз искала в интернете что-то похожее на «поведение дома в случае пожара или ограбления», я честно изучала это параллельно с историями о людях, не соблюдающих данные нормы, и поражалась – почему они не могут просто действовать так, как положено? А, вот почему.

Вместо эвакуации я потянулась к вешалке. Есть большой зонт с очень острым наконечником. С ним в руках осмотрела каждый угол. Поразилась уровню собственной паранойи, когда начала открывать шкафы.

Никого.

Никаких следов, указывающих на чье-то присутствие. Наоборот – все указывало на то, что я элементарно забыла запереть дверь на третий оборот.

– Для полной картины должно что-нибудь упасть и разбиться, – проговорила я вслух, разгоняя гнетущую атмосферу, – Никто сюда не приходит, все хорошо.

Появилась неплохая идея. Приходят – не приходят, а замки бы нужно сменить.

К тому же, в ящике, где хранились все ключи, их оказалось меньше, чем должно было быть. Один комплект у меня,

три – в пыльном комод. Всего четыре. Должно быть пять. Скорее всего, пятый куда-то завалился или, быть может, его взял Роберт, но рисковать не хотелось.

– Все по максимуму, – в третий раз повторила я мастеру, который пришел, чтобы сменить оба замка. Выбрала самые надежные устройства. Естественно, по рекомендации.

– Понял.

– Зовите, вдруг что понадобится.

Для меня сегодня есть более увлекательное занятие – кладовка.

С левой стороны от входа раньше стояла швейная машинка в окружении старых нарядов, теперь там только одежда, с правой стороны – коробки с тем, что использовалось чаще раза в год. Дальше по мере убывания важности – фотографии, альбомы, дневники, дорогие сердцу мелочи лежат так, что можно было легко достать. Под ними и за ними – пластинки, декор, части мебели.

Я взяла один из старых альбомов.

Прабабушка с прадедушкой на фоне палаточного городка варят суп в котелке над костром. Перевернула страницу. Дед с букетом роз у многоэтажки. Я могу расписать, в каком виде сейчас этот уголок – фасад перекрашен и добавлены парковочные места. Очередная страница. Папа. Совсем малыш, наверное, пара дней, как из роддома.

– Девушка, готово, – по коридору протопал мастер.

– Иду.

Держа альбом, я вникала в инструкции.

– Пользоваться несложно, интуитивно понятно, – показывал мужчина, – По три оборота. Закрывать и открыть можно ключом, захлопнуть не получится.

Я отдала деньги за работу, и он, пересчитав, закинул их в ящик с инструментами.

– Как у тебя тут... многолюдно, – дверь была приоткрыта, когда с другой стороны к ней подошла девушка и заметила присутствие мастера, – Я слышала, вчера было весело, и сегодня уже кто-то пришел. Ты, наверное, общительная.

– Вы, – не грубо, но громко сказала я, узнав в ней одну из тех девушек, неосторожно обсуждавших мою машину у подъезда. Та, что добрее своей подруги.

Она мой намек поняла правильно.

– За этим и пришла, – сказала девушка, – Неловко получилось. Знаешь... знаете, я не обсуждаю других и, Боже упаси, не осуждаю. Это мое правило. Что произошло позавчера, сама не знаю.

– Предпочитаете не обсуждать, но слушать, как это делают ваши друзья, молчать и соглашаться с их необоснованными капризами? – я оставила альбом на мягком пуфе, – Поверьте, это хуже, чем обсуждать самой.

– Почему? – удивилась девушка.

– Потому что это даже не ваше личное мнение, нет, вы просто подстраиваетесь под чужое, – ответила я, – Посту-

патьея своими убеждениями в угоду другим – это хуже, чем не иметь убеждений вовсе.

Видно было, что девушка задумалась. Мастер, собрав оставшиеся инструменты и кивнув мне, нас покинул. За участие в чужих разборках ему не заплатят.

– Одним меньше, – сказала я, рассматривая гостью. Фраза предназначалась ей.

– Я пришла не сцену устраивать, этого хватило, я пришла извиниться. У Яны тяжелый характер. Я не права, что не пресекла ее выпады. Мы теперь соседи, хочется человеческих отношений.

Ее извинения, как и раскаяние, не были мне нужны. Это их право. Могут обсуждать дальше.

– Принимается.

Конфликты мне тоже не были нужны. Плохой мир лучше хорошей ссоры. Пусть усыпляет свою совесть и уходит отсюда.

– Дина, – девушка протянула руку, приняв мое согласие за одобрение знакомства.

Ее лицо казалось знакомым, я уже знала кого-то, кто был очень похож на Дину.

– Полина. Теперь можно на «ты». Твою маму не Ирина зовут?

– Ирина.

Вот и причина того, почему Дина показалась знакомой. Ее я не помню, зато помню ее маму. Они живут на втором этаже,

окна выходят на ту сторону, где есть детская площадка, ее мама частенько звала маленькую Дину ужинать.

– У тебя интернет ловит? – она поднимала и опускала телефон, трясла им, – Мобильный? Или ты роутером пользуешься?

– Нет, обычный мобильный интернет, – ответила я, – А что?

– Сообщение пришло, никак не грузится, бывает иногда, что в новом месте мой телефон медленно адаптируется.

Очень хотелось предложить ей вернуться к себе и листать сообщения без проблем.

– Бывает, – равнодушно ответила я.

Неразобранные пакеты с продуктами стоят по всей кухне, я отправила молоко с йогуртами в холодильник, закинула мясо в морозилку, а то, что было не срочно, лежало, как попало. Расставляя крупы по полкам, я следила за Диной, косясь на ее движения в коридоре.

Она не отрывалась от сообщений.

Сегодня хлопоты, связанные с переездом, наконец-то, закончатся, я нормально вернусь к работе и привычной жизни.

– Пойдешь с нами в кино? – крикнула Дина.

Непосредственность соседки за гранью всего. Вчера она, вместе со своей Яной, устроили мне концерт на пустом месте, сегодня, после кратких извинений, мы, видимо, друзья.

– Нет, спасибо, – ответила я.

– Это ни к чему не обязывает, – добавила она, – Правда.

Я не набиваюсь в подруги, просто хочу поднять настроение человеку, которого мы зазря обидели.

Звучит неплохо.

– Нет.

– Прошу, – сказала она, – Три билета я купила утром – для себя, для Мадины, это девочка из моей группы, и для тебя, если пожелаешь. Познакомимся заново, так сказать, с чистого листа. Или посидим без разговоров.

– Ты за этим и поднялась?

– В общем-то, да. Я решила, что лучше быть не с пустыми руками.

Ее искренний порыв сгладил впечатление, моя злость утихла. Если человек волнуется о чувствах посторонних, не влияющих на его благополучие, людей, то записать его в ранг плохих трудновато.

– В какой день? – вздохнула я.

– 24 числа, – порадовалась Дина, – В семь вечера, ты же, наверное, днем работаешь, поэтому я выбрала вечернее время, ты не готовься, денег с собой не бери. Я угощаю.

Она излучала такой позитив, что светлые волосы, казалось, ослепительно сияли.

– На тумбочке оставлю, – билет шлепнулся на лаковое покрытие, ко мне подходить Дина стеснялась, – Сколько этой красоте лет?

Я подумала, что к нам присоединился Фунтик, Дина его заметила и расхваливает, но кота рядом не было. Дина оча-

рована альбомом, неосмотрительно забытым мной на пуфике.

– Годов 60-х? – она выразительно смотрела на меня, – Материал похож на кожу. Она? Кожа?

Не ведаю я, откуда альбом и из чего его сделали.

– Возможно, – предположила, – Точнее не скажу. Хочешь потрогать – возьми.

Она ухватила за эту идею. И за альбом. Погладила по корешку и попросила разрешения открыть.

– Конечно, – откликнулась я.

Удовлетворив любопытство, Дина также спросила, можно ли сделать фотографии пары стариц. Я не возражала, но произнесла:

– Зачем?

– Выразительные портреты, дух того времени, – она выставила настройки и, тряхнув очаровательными кудряшками, сфотографировала несколько портретов с разных страниц.

Я не мешала.

– С девяти лет люблю живопись, с Третьяковской галереи, мама в своем отпуске отвезла меня туда и, могу сказать, она пожалела об этом не единожды, – Дина преобразилась – любознательность придала ей смелости, – Я постоянно пейзажи рисовала, в художественную школу хотела пойти. Мама не одобряла, говорила, что это не профессия, не способ заработать не жизнь. Она, наверное, в чем-то права, зато у меня

есть хобби.

– Пейзажи, – подытожила я, – А внимание ты обратила на портреты.

– Пробую.

Покопавшись в телефонных альбомах, Дина показала фотографии ее картин, на одной из которых изображен хорошо известный мне двор: старый дуб, срубленный в позапрошлом году, красовался в центре, загораживая собой вывеску парикмахерской.

Картин много. Речка. Осенний лес, окрашенный в желтые и красные цвета. Неплохо.

– Ты романтик, – улыбнулась я, возвращая Дине гаджет, – Спасибо, что поделилась, пейзажи бесподобны, теперь я уверена – через месяц будешь гордиться не менее бесподобными портретами.

В живописи я не эксперт, несколько раз наблюдала за уличными художниками на набережной, знаю, что в мире картин есть тени и пропорции. Но работы Дины мне понравились.

– Наша преподавательница на курсах говорит, что восхищение можно заслужить только после десятка проданных картин, – сказала Дина, – До этого мне, как до Владивостока пешком.

– Ты же не посещала художественную школу? Откуда преподавательница?

– Тогда, в смысле в детстве, нет, и посещала, но в сентябре

прошлого года мама разрешила записаться в студию, – Дина максимально незаметно посмотрела на часы, – Однажды, может, я и продам картину.

Дина откланялась, она собиралась на занятие в студии, я хотела крикнуть, что восхищение не формируется из цены работы, тем временем внизу хлопнула дверь ее квартиры. Потом при встрече скажу.

22 мая

Юля метнула в меня свой уничижительный взгляд и ластик, не прерывая делового разговора. Спасибо тем, кто ей звонил, иначе мне не избежать воспитательного процесса в 10.15 утра. Вероятно, она за день успеет этим заняться, зато остынет и быстрее устанет от разбирательств.

– У меня зрение не в минусе, – сказала Юля, – Я отлично вижу и договор, и клиентов. Ваших поставок в упор не вижу. Где, спрашивается?

Вопреки всему Юля нашла время и на меня:

– Опаздываете.

– Стыжусь, – я сложила ладони в молитвенном жесте, – Прости, прости. За руль садиться не стала, прокатилась на автобусе: три метра ехали – три минуты стояли, водитель от конфет не отрывался и ждал друзей.

– Живи, – разрешила Юля, – Беспредел у нас начался, сможешь у Натальи отчетность забрать?

– Будет исполнено, товарищ генерал, – после шуточного обращения Юля смилостивилась и подмигнула.

Раздеваясь на ходу, я привела рабочий стол в надлежащий вид и выскочила из кабинета.

– Аполлинария, подождите, пожалуйста, – у лестницы догнал начальник. Заводить близкие отношения с руководством я не планировала. Здравствуйтесь – до свидания. И хва-

тит с него. Все равно у меня не должность секретаря или заместителя, чтобы постоянно быть где-то неподалеку. Проблема в том, что у нас было свидание. До моего трудоустройства. Юля знакома с Константином довольно давно, однажды она привела его на наш общий сбор, как приятеля и коллегу, сразу обозначив, что они просто друзья. После бутылки шампанского я заметила, какой он красивый. Константин позвал в ресторан.

– В кабинете осталась Юлия. Не представляю, о чем вы хотите поговорить, но уверена, что она ответит на этот вопрос лучше, – я встала боком, всем видом демонстрируя отсутствие времени на пустые разговоры.

Константин как-то сразу замялся.

– Вряд ли Юлия ответит на вопрос, где вы собираетесь провести вечер следующей пятницы? – в руках визитка, – Это мой новый личный номер. Позвоните вечером, пожалуйста.

Должно ли быть приятно от настойчивого внимания в совершенно новом коллективе? Нет. В новом коллективе хочется привыкнуть к темпу работы и обстоятельствам. Я не решила, собираюсь тут задержаться или завтра не приду, а в личное пространство уже вторглись.

– Давайте без неловкостей. Мне очень приятно, но второго свидания у нас не будет, – ответила четко, – Кстати, не нужно при всех называть меня Аполлиной. Полина. Если мы с вами не поладим, то по Полина Альбертовна. Договорились?

Визитку Константину пришлось оставить при себе.

– Все-таки...

– Слишком неуважительно пытаться использовать свой авторитет в личных целях, – хорошее настроение растаяло. Я предположила, что Константин сейчас решит напомнить, что именно он тут командует. Не выйдет. Попытается хоть слово сказать на эту тему – хлопну дверью.

Никаких чувств на работе.

Дождаться ответа не стала. Вернулась в кабинет, забыв о документах для отчетности.

– Нам нужно сегодня. Понимаете? Не завтра, не через неделю, не в следующее полнолуние. Сегодня, – Юлия листала договор и ругала партнеров по телефону, – Вы о чем говорите? Я смотрю конкретно на то, что вы сами прописали в договоре. Да, держу листок в руках, можете не сомневаться.

Стол так и остался для меня чьим-то чужим рабочим местом. Моя сумка стояла, будто я посетитель.

Юлия закончила разговор, стукнув трубкой по столу, и посмотрела на меня с явным подозрением.

– Быстро ты.

– Я не добралась до кабинета, – врать не стала, – Через минут десять пойду снова.

– Рейс отменили?

Никаких издевательств, просто безобидная шутка.

– Твой начальник отменил этот рейс.

– Наш начальник, – поправила Юлия.

– Судя по его поведению, это ненадолго, – я переставила сумку, убеждая себя, что просто нужно привыкнуть, – Его высочество пожелали пригласить меня на свидание. Повторится – уволюсь.

– Зря, – Юля отложила договор в сторону, – Соглашайся. Мужчина на все двенадцать баллов из десяти. Воспитание на приличном уровне, чувство юмора присутствует. Чем он тебе так не угодил, что аж стекла в кабинете трещат от исходящей от тебя злости? Когда вы познакомились, тебя он более чем устраивал. Что изменилось?

Я не позволила ей развить эту тему, обрубив на корню любые попытки рекомендовать Константина в качестве кавалера.

– Сколько раз повторять? – я обиделась, – Ему могу сказать снова, тебе – тоже, если хочешь присоединиться к гильдии бесцеремонных коллег, сватающих с любым, кто не обзавелся обручальным кольцом. У нас рабочие отношения. Запомнишь?

Она иначе смотрит на мир. Она желает добра. Она не хочет навредить. Уговорить себя не влезать в спор не удалось, потому что Юля, всплыв, решила продолжить:

– Боже мой, что с тобой такого произойдет на свидании с вменяемым человеком? Паста с мидиями разрушит моральные принципы? Нелепо, Полина. Ты изначально пришла работать в коллектив к подруге, разве это не личные отношения? Дай парню второй шанс.

Наше свидание закончилось обидой. Переписывались мы долго, а вот со свиданием не задалось. Посреди ресторана, возвращаясь из уборной, Константин ответил на звонок, поговорил чуть-чуть с неизвестным человеком и, извинившись, уехал. Бесцеремонно и нагло, как по мне. Я злилась, хотя могла бы пойти на примирение, будь у нас больше времени, но подвернулась эта работа. А личные отношения с рабочими я не смешиваю.

– Вот именно, что работать, а не под начальство ложиться, – в сердцах сказала я. Доказывать бесполезно. Для нее это всего лишь одно свидание с хорошим парнем, для меня – проблемы.

В ярости Юлю не остановить.

Она приходила в ярость.

– Не принимай дружеские советы в штыки, – сдерживаясь, проговорила Юля.

Промолчать бы и закончить на этой веселой ноте.

– Не лезь в чужие дела, – покачивая ногой, ответила я.

Ее идея.

Декретный отпуск помощницы Юли совпал с периодом моего отчаяния. Юля решила совместить приятное с полезным, взяв себе надежное прикрытие и дав мне возможность отвлечься от самопоедания. Я, превратившись в общении с ней в наивную и ведомую жертву, повелась на аргументы о необходимости «выбираться из своей конуры и давать мозгу нагрузку» и пришла устраиваться в ее отдел.

По протекции подруги собеседование было формальностью, чего я там не видела, ведь должность простенькая, по ходу пьесы разберемся. Юля лично занималась моим трудоустройством.

В кабинете тридцатилетний “кадровик” с поразительно правильными чертами лица, торопясь избавиться от нас, опрокинул стакан зеленого чая на заявление. Юля тяжело вздохнула и ушла за тряпкой. Заявление, третью страницу анкеты и копию диплома требовалось переделать. Промедление обошлось дорого – явилось начальство. Константин Евгеньевич заметил меня и промокшие листы на столе, вчитался в заявление и изъявил желание побеседовать с кандидатом лично. Юля, выступившая из-за угла, за которым пряталась, не сумела представить более-менее вескую причину, почему я могу обойтись без допроса.

Пришлось переписывать заявление в кабинете Константина, на ходу придумывая ответы на каверзные вопросы. Правда, я не стала юлить и сразу сообщила, что никакого опыта в этой сфере нет, что месяц проведу в качестве стажера. Вопросы продолжились. Иногда он повторялся. Диалог затягивался. Я мысленно считала минуты и прикидывала – подставлю ли Юлю, если уйду, не дослушав руководителя?

Место в штате и кресло в офисе я получила, но отнеслась к этому без восторга. Повышенный интерес Константина оправдывала предвзятостью и ненавистью из-за оборвавшихся отношений.

Потом он начал заглядывать в наш кабинет чаще, чем в свой. Я полагала, что ищет повод для моего скорого прекращения стажировки. Все оказалось намного хуже. Начальство имело на меня свои планы. Что опять и подтвердилось.

– Дело ваше, – отступила Юля, – О чужих делах я, конечно, запомню, в вашу личную жизнь больше не полезу.

Я не успела сказать, как сильно ценю всяческую помощь от подруг и друзей, потому что в кабинете нас стало трое. Расчесывая тоненькие волосы, властным жестом Ангелина Дмитриевна, заместитель директора, приказала Юле встать. Нахмурившись, Юля предпочла остаться в прежнем положении.

– Юлия, я не обязана бегать за тобой, – она чихнула, – Вся правда. Не обязана. Константин Евгеньевич ждет у себя, разговор срочный. Заодно передай ему, чтобы больше не дергал меня по мелочам.

С Юлей мы переглянулись, и она ненадолго вышла, я перехватила бумаги с ее стола. Обратной подруга пришла, как на казнь.

– У меня слабое сердце, – предупредила ее.

– Обещай, что не убьешь, – Юля отрывала заусенцы с кутикулы, ее излюбленное занятие в напряженные моменты.

– На нас повесят долг фирмы?

– Хуже.

– Лишат отпусков?

– Хуже.

– Признавайся, я больше не выдержу.

О причинах нашего спора я сейчас не думала.

– Владелец приехал, он редкостный пройдоха и скуперд-дай, и, к сожалению, его всегда приносит не вовремя.

– Сокращает штат? – предположила я.

– Только тебя.

Я зависла. Ради возможности отвлечься, сосредоточиться на обязанностях, причем рядом с близким человеком, я согласилась на работу в коллективе у несостоявшегося кавалера, свыклась с его присутствием. Обнадежили и немедленно отняли надежду.

– Значит, заманили сюда, уговорили и выгоняете, – завязала веревочки на папке с накладными, – Поразительно.

– Уговаривала я, – покраснела Юля, усевшись за стол, – Владелец свои планы с подчиненными не обсуждал.

– Что не понравилось в моей работе? Константин нажаловался?

– Племянница главного производственную практику проходит летом, ей очень нужно место, а из всех лишь ты не оформлена. От стажировки он освобождает.

– Вольную грамоту дали. Спасибо.

Раздражение. Гнев. Они выливались на Юлю.

– Смотришь на меня волком. Скажи, пожалуйста, как переспорить владельца компании? Что мы можем? Прости, Полина.

Защищать меня не стали. Константину, наверное, выгод-

но от меня избавиться, поэтому Юле я сказала:

– Уверена, вы и не пытались на пару с Константином. Не он ли сказал, какое прекрасное место занимает ненужный стажер? Если владелец в незначительные детали не вникал и с каждым не беседовал, то кто предложил вариант?

Циничная и банальная месть.

Куда-то делся весь пыл, с которым Юля рекламировала своего непосредственного руководителя. Я сложила бумаги в ящик стола и протерла компьютер от пыли, скрепки оставила в пластмассовой коробочке. Одноразовую посуду подарила следующему сотруднику.

– Ты что делаешь? – пришла в себя Юля.

– Собираюсь, – внутри бушевала злость. На нее, на Константина. На собственную доверчивость.

– Домой, что ли? – она встала.

– Ты удивительно умна, – достаточно вежливости.

– Константин просил зайти к нему.

Видно, ее тоже это смущает, но Юля привыкла верить в лучшее. Я не разделяла ее оптимистичный взгляд на жизнь. Тесный кабинет не стоил такого количества потраченных нервов.

– Ты думаешь, твой любимый директор фуршет организовал? Очнись, Юля, позлорадствовать он просто хочет.

Она смотрела на мои сборы молча, в конце выразила недовольство:

– Они что-то обсуждали дальше. Без меня. Я птица не того

полета, чтобы начальство откровенничало, сказали, что стажироваться в отделе будет племянница шефа, и попросили удалиться. Вечно ты приписываешь людям грехи, которые они не совершили, – Юля щелкала автоматической ручкой.

– По-твоему, надо остаться и позволить совершить?

– Человека надо выслушать. А ты судишь его за собственные предположения, – она походила по кабинету, вернулась к стулу, встала позади него и облокотилась на спинку, – Это несправедливо. Он хороший человек, неглупый сотрудник.

Я пожала плечами.

– Пойди и узнай, какого черта он творит, – все вещи поместились в сумку, – Тебе интересно. Мне гордость дороже. Спасибо. Поработала. Развеелась.

Провожать Юля не стала.

Покидала, как оказалось, временное место работы, в полном ощущении, что поступила правильно.

Ссора с Юлей не сильно огорчила. Она отходчивая. Мы обе.

– Девушка, не стойте у прохода, – угрюмый мужчина со спортивной сумкой совсем рядом. Я не заметила, что загродила выход из автобуса.

Заняв последнее свободное место, задумалась – могло бы у нас что-то получиться с Константином, не будь он таким мстительным диктатором? Наверное, могло бы. Его внешность меня притягивала. К тому же, как руководитель, он

был очень даже неплох – его ценили, посему в умственных способностях нет никаких сомнений.

Трудовую книжку не забрала, конечно. Ладно. Она все равно пустая, оформить меня не успели. Переживу.

Остаток дня провела за просмотром фильмов. К полуночи я начала засыпать, прямо так, с работающим телевизором, и, не переодеваясь в пижаму. Шел такой ливень, что на подоконнике уже образовалась лужа, однако вставать и закрывать окно мне не хотелось. Хоть свежий воздух среди этой духоты.

Не помню, как дотянулась до пульта и выключила шумную программу. Помню, что сначала показывали «Укрощение строптивого», а потом пространство взорвалось громкими аплодисментами и смехом, началось комедийное шоу.

В тишине квартиры я проваливалась в сон под мерный стук капель о подоконник. Потом вытру. Попозже.

Кто-то вышел из подъезда. Это я тоже слышала.

Кто-то начал пилить. То ли доску, то ли стену. Неопределенный звук – одновременно близко и далеко, похоже на работу неопытного мастера. Пилить. В час ночи, а я не сомневалась, что дело близится к этому. У кого хватило наглости?

С этой мыслью и уснула бы, не дернись рука у создателя шума: железо по железу, несколько звонких монеток разом ударили в металлическую стенку.

Это не монетки.

Подобный звук издает связка ключей, когда случайно по-

падаешь ей по двери.

Кто-то ковырялся в замке.

23 мая

Похоже на то чувство, когда резко осознаешь, что забыл нечто невероятно важное. Сидишь в июньский день на скамейке, наслаждаешься шоколадным мороженым, видишь человека, проходящего мимо с папкой в руках, и накрывает – вчера нужно было защитить курсовую работу! Все сроки вышли, экзамен сдавать в сентябре.

Я не сразу поверила в происходящее. Резко села, прислушалась, получила неутешительный скрежет замка в ответ и застыла на месте.

Страх сковывает.

Фунтик запрыгнул на кровать, напугав до дрожи, и потребовал немедленно разобраться с противным звуком. Он всегда чувствовал такие вещи. И сейчас бегал вокруг, заглядывая в глаза и жалобно вереща. Взяла Фунтика на руки. Как ни странно, это привело меня в чувство. Он живой, теплый, рядом полно людей, достаточно просто закричать, привлекая внимание всего подъезда. Но было страшно не то, что кричать – дышать было страшно.

Вдвоем, шагая беззвучно, мы добрались до входной двери.

Скрежет замка не смолкал, кто-то настойчиво рвался внутрь, Фунтик соскользнул с моих рук, намереваясь забежать в приоткрытую межкомнатную дверь, я перехватила его

у порога и отнесла подальше, спрятав кота в меньшей по размеру кладовке.

С той стороны входную дверь слегка толкнули, веря в успех.

Я подкралась максимально близко, проклиная все на свете и свою память за то, что именно сегодня забыла про внутреннюю щеколду. К ней, собственно, и шла.

Два метра до цели превратились в бесконечную дорогу по натянутому между двумя небоскребами канату. В итоге, прижавшись к холодному металлу, обхватила пальцами щеколду и потянула ее на себя. Мне повезло. Взломщик не услышал ничего из того, что я проделала, и продолжал мучить несчастные замки, причем попеременно: переходя от верхнего к нижнему и обратно.

Цель достигнута. Замки рано или поздно поддадутся его напору, тогда щеколда выиграет для меня немного времени. Можно звонить в полицию. В контактах, естественно, номера спецслужб не оставляла, пришлось искать в интернете способ вызвать полицию в наш район, параллельно вытряхивая из сумки газовый баллончик. Чудо, насколько тихо я умела двигаться.

С телефоном в руке я приросла к кухонной стенке – это самое удобное место, потому что, выглядывая из-за угла, можно наблюдать за входом и для бегства есть два варианта.

Тут раздался крик. Этот крик ни с чем не спутаешь. Это горе.

Глядя на черное небо, освещенное лишь луной и мерцающими звездами, я медленно оседала на пол, закрывая уши руками. Ночь и без того была полна потрясений. Человек, чей крик перешел в рыдания, не звал на помощь, нет, это не попытка спастись, человек потерял кого-то. Этой ночью из подъезда вынесут чье-то тело.

Незадачливый грабитель, вероятно, перепугавшийся не меньше жильцов, оставил в покое мои замки и побежал по лестнице, я, наверное, ощущала каждое его движение.

Телефон остался лежать на полу, когда я встала.

Дом оживал: вокруг хлопали двери, звучали взволнованные голоса соседей и цоканье каблуков уличной обуви.

Без сомнений присоединилась к ним, покинув свою жилплощадь, и уткнулась в спину мужчины, накинувшего на себя халат, кстати, женский. Михаила, тем более в таком образе, узнала не сразу. Татьяна прижимала руки к груди и по сторонам не смотрела, я встала рядом с ней и задала вопрос, ответ на который и так знала:

– Что происходит?

Она вся белая, белее стены, находящейся в метре от нас. Татьяна, убрав руки от груди, одной придержала легкую курточку, другой сжала мою ладонь.

– Умер кто-то, – прохрипела она.

Михаил обнял Татьяну, бросил быстрый взгляд на меня и предложил женщине вернуться в квартиру:

– Давай уйдем? – спросил он, – Ты еле стоишь.

«Муж и жена» – отстраненно подумала я. Значит, дядя Миша живет рядом. Это радует. В случае чего к добрым людям проще обратиться за помощью, а, судя по последним событиям, это может стать и жизненной необходимостью.

– Кто умер? – все-таки спросила у них.

– Девочка права, – Таня обернулась к мужу, сразу видно – впечатлительная, – Вдруг кто из наших? Не могу, Миша, как подумаю, что там кто-то мертвый лежит... Мы ведь всех знаем. Не могу.

Она то и дело срывалась на бессвязное бормотание. Татьяна вцепилась в мужа, явно стыдившегося своего халата и переживающего за жену.

Мы, не сговариваясь, спустились на два пролета вниз, проникая сквозь толпу, я сунула ключи от дома в карман штанов. Люди прибывали. Сухонький дедуля ковылял впереди нас, обгоняя тех, кто не решился продолжить путь. Громыкнула железная дверь, ведущая на улицу. Перегнувшись через перила, я увидела мужчин в полицейской форме и нескольких докторов с носилками. Ранение? Убийство?

– Второй этаж, Миша, – Татьяна тоже извернулась, последовав моему примеру, – Второй. Они в левую сторону пошли, значит, к Федоровым.

Мне фамилия была незнакома. Лица-то соседей вспоминала через раз, так что ситуация яснее не стала.

– Разойдитесь по квартирам! – гаркнул главный из прибывших полицейских, что подействовало весьма слабо. Дедуля,

например, заторопился обратно, но никто его в этом не поддержал, – Детей уведите!

Парочка школьников не старше десяти лет были отправлены по домам своими мамами и папами, родители отправиться за ними не спешили. «Сначала скажите нормально, кого убили, а потом выгоняйте» – возмутился подвыпивший дядечка, за что получил от соседей выговор по полной программе и угрозу физической расправой. Атмосфера шуток и пренебрежения не терпела. Горе у людей.

Когда из квартиры начали выносить погибшего, толпа мгновенно поредела: окружающие тихо, плавно и совершенно незаметно разбегались по домам, не глядя друг другу в глаза. Седовласая женщина, выскочившая за врачами, хватала носилки, полицейский в паре с гражданским одетым по-праздничному мужчиной ее удерживали. Не в себе. Женщина плакала, не издавая ни единого стона или хрипа, словно сорвала голос. Ее крики я, наверное, и слышала.

– Дина, – за стенку держалась Татьяна, – Дина.

Михаил подхватил жену, попутно напомнил мне, что нам здесь не место, понял, что я никак не реагирую, и просто унес Татьяну, оставив меня самостоятельно принимать решение.

– Встретил жену у работы, сам я на юбилей к другу ездил, – мужчина говорил с полицейскими, о его жене заботились доктора, тело девушки уже унесли, – Вернулись домой. Я поднялся первым, а Ира говорила по телефону в машине.

Что? Необычное? Не заметил. Включил в коридоре свет, зашел к Дине в комнату. Она... Висит. Я жену не дождался и вызвал вас.

Мне и показалось, что они приехали очень быстро, за короткий промежуток между криком и появлением врачей с полицейскими не успели бы.

Говорить дальше он не смог, задыхаясь, как от приступа.
– Воды принесите, – командирский тон полицейского.

Очнулась я у своей квартиры. Чудом отпустила перила, за которые цеплялась, добираясь до пятого этажа. Замок мне расцарапали. Рядом валялась наклейка, похожая на вкладыш от жвачки из девяностых годов.

Этажом ниже прозвучало:

– Не дом, а клуб самоубийц, – сосед с третьей попытки попал к себе.

Дина покончила с собой. Первое связное предложение в моей голове за пятнадцать минут. Рассеялась картина накрытого тканью тела, мозги возобновили работу. «Она висит». Я тоже слышала.

Оставаться на пустой площадке в полном одиночестве сегодня слишком рискованно, поэтому я, как можно быстрее, зашла домой. В кладовке истошно орал Фунтик, кидался на дверь, от чего стоял знатный грохот.

– Напугал, – сообщила коту, освобождая его, – Не смотри с осуждением на свою хозяйку, я хотела тебя защитить.

Заботу Фунтик не оценил.

Закрыла окно в своей спальне, постояла, подумала, потом прошла и включила свет в каждой комнате, разгоняя страхи и сомнения. Счет за электроэнергию придет космический.

Очередная смерть в этом подъезде. Смерть юной девочки, день назад поделившейся со мной билетами в кино. Кстати, о кино. Белая бумажка с розовой окантовкой продолжала лежать в коридоре, недалеко от альбома, благополучно забытого после ухода Дины.

24 мая. 19:15.

Послезавтра, вернее, завтра, учитывая, что давно перевалило за полночь.

– Жуткие ощущение, – сказала крутившемуся под ногами Фунтику, – Есть билеты в кино. Есть фильм о приключениях в пустыне. Человека нет. Наверняка она купила бы попкорн, взяла из дома бутылку лимонада или воды, потому что платить за них в кинотеатре – сплошное разорение, и мы обязательно бы сошлись во мнении, что надо как-нибудь повторить. В общем, стандартные мелочи.

Билет я, почему-то, не выбросила, невзирая на отсутствие надобности в нем: без Дины туда точно не пойду. Убрала билет в коробку для памятных мелочей.

Подругами мы стать, естественно, не успели, заламывать руки в истерике и перебить всю посуду – это будет лицемерием с моей стороны. Пришлось варить кофе. С чашкой и упаковкой крекеров я устроилась на одном из широких под-

оконников стеклянной комнаты. Предварительно погасила в ней свет, не желая привлекать внимание случайных прохожих посреди ночи. Отсюда удобно любоваться проспектом.

Такая квартира в доме единственная, она занимает половину этажа, весь правый угол, слева от лестницы две квартиры поменьше. В одной, как я поняла, живет дядя Миша и его любезная жена Таня. В другой – пожилая дама, бабушка называла ее «очень хорошая приятельница». Снизу все давно переделано под коммуналки с бесчисленным количеством жильцов или под отдельные квартиры-студии с микроскопическими ванными комнатами. Удобно. И выгодно. Нашу квартиру тоже с удовольствием бы выкупили для этих целей, но бабушка не согласилась.

Фунтик уснул на диванчике. Я допивала кофе и не могла отделаться от плохого предчувствия. Не верилось в самоубийство Дины. Второй раз в одном подъезде. Это, если не считать женщину, чью историю поведал Михаил. У матери Яны была причина, она погибала от тоски по мужу, у бабушки, как бы ни было тяжело это принять, тоже имелась причина. А у Дины?

– С черникой не было, взяла с апельсином, – Юля, поправив юбку, заняла водительской сидение и протянула мне батончик, – Чай в сумке.

– Не люблю апельсины, – ответила я и потерла лицо, дико хотелось спать. После двухчасового сна в машине стало чуть

легче, однако полноценный отдых это не заменило.

– Ешь то, что дают, – улыбнулась Юля, – Не было других вкусов.

– Спасибо, – сипела я.

Когда рассвело, я наплевала на ссору, собственную обиду и нелюбовь к попаданию в гости без приглашения, и поехала к Юле на первом же поезде метро. По пути столкнулась с соседкой, едва не стукнув ее дверью: женщина шла в поликлинику и туманно намекнула на то, что ее могут положить в стационар, а дома без присмотра будет котик. Я прислушалась. Фунтик в переноске насторожился. Женщина – одна из тех, с кем бабушка поддерживала общение, очень хорошая приятельница, поэтому отказывать я не стала, показала переноску, сумку с вещами и предложила навестить кота, когда вернусь. Неопределенность ее не устроила. Потеряли четыре минуты, обсуждая мое возвращение.

Еле успела застать Юлю дома. Посреди рабочей недели она выпросила пару отгулов и собиралась на свою дачу. Я к ней присоединиться изначально не планировала, сначала работа меня бы никуда не отпустила, потом эта обида. Теперь нет ни работы, ни обиды.

Находиться дома в нынешнем состоянии невыносимо.

– Ты меня вообще слушаешь? – выдернула из размышлений Юля.

– Что-то задумалась.

– Нормально, – мы выезжали на шоссе, покидая неболь-

шую стоянку перед магазином, – Кому я душу изливаю?

– Прости.

– ... Интересно? Вижу, что нет, – Юля свернула на проселочную дорогу, значит, скоро будем на месте.

– Любые мысли проскальзывают, – я провела пальцем по стеклу, – Как по льду. И понимаю тебя, и не понимаю.

– Травма? – Юля притормозила, осматривая меня, – Вернись из астрала, Земля вызывает Полину.

– Хорошо, что ты не на факультете психологии училась, – я нервно раздирала фантик от батончика, – Точно не твое.

– Я ее подбодрить хотела, – Юля притворилась обиженной.

– Трудно сформулировать, – решила признаться я, – Смятение. Недоверие. Столько вопросов, ответы на которые мне никто не даст. В голове то скрежет ломаемого замка, то крик Ирины. Впечатления еще те – и все за одну ночь.

– Зря не сказала полиции про своего грабителя, – Юля против моего нежелания писать заявление.

– Грабитель ли это?

– К чему ты клонишь? – вопросом на вопрос ответила Юля.

Вокруг мелькало поле, целиком заросшее высокой травой. Наверное, в прежние времена оно каждую весну засеивалось, расцветая чем-то кроме сорняков.

– Кто-то ломился ко мне в квартиру, а рядом умирала Дина, настолько рядом, что в совпадение не верится, – чистая

правда. Она не производила впечатления человека, балансирующего на грани жизни и добровольного ухода из нее, – Ко мне пришли. К ней тоже могли. Разве нет?

– Ты перенервничала, – сделала выводы Юля, – Сама подумай – сколько ты знала эту Дину? Пятнадцать минут? Ну, пригласила она тебя куда-то, билетки купила. Не гарантия ее позитивного мировоззрения. Зачастую о депрессии не знает никто, включая близких родственников, потому что человек все переваривает внутри себя, не делится, не жалуется. Было хорошее настроение – заглянула к тебе. Вернулась домой, прочитала сообщение от любимого, разрывающего помолвку, и потянулась за веревкой. Конечно, это неправильно и страшно, и совсем не выход из ситуации, но откуда тебе знать, как она мыслила, и какая рана мешала ей спать по ночам?

– Я боюсь, – завершила свое признание.

– Могу понять, – Юля подумала и добавила, – Перестань накручивать и притягивать за уши то, чего нет. Девушка приняла ужасное решение, момент исполнения которого неудачно совпал с попыткой ограбления твоей, кстати, весьма привлекательной квартиры. Не покушение. Не бойся. А родители Дины, получается, попали в свою квартиру во время вскрытия твоего замка?

– Получается.

– Ты должна была слышать их возвращение.

– Я паниковала.

Подъезжали к даче в тишине. О чем думала Юля, мне неизвестно. Я рассуждала – права она или нет? Утром я бежала из дома из-за опасений, надуманных или реальных – не понятно.

– В полицию все равно надо сообщить, – Юля огляделась, решая, стоит загонять машину в гараж или оставить под навесом.

– С какой формулировкой? – я забрала сумку с заднего сидения, – Извините, спустя восемь часов я, наконец, нашла кнопку вызова?

Фунтик забежал в переноске, предвкушая дачные развлечения без хозяйки, я вернула его в суровые будни домашнего животного:

– Гулять будешь исключительно на поводке под моим неусыпным присмотром.

– Дружные вы, – иронизировала Юля, – Насчет полиции – не знаю, какую формулировку использовать, но это в любом случае надежнее молчания.

– Сильно сомневаюсь.

Двухэтажный домик с двумя выходами и верандой я видела лишь однажды – по возвращении из Сочи в Санкт-Петербург, с легкой руки Юли отмечали в нем мой переезд. Глухой осенью он выглядел мрачновато. Сегодня, при солнечном свете, в окружении наливающейся зелени, домик приобрел свежий вид.

– В августе ремонт придется делать, – Юля потерла сте-

ну, – Краска опять облупилась.

– И так красиво, – аромат хвойного леса положительно действовал на мои эмоции.

– Согласна, – Юля открыла боковую дверь, ведущую на веранду, – Прощу.

В доме я выпустила Фунтика из переноски, чтобы у него тоже появилась возможность осмотреться.

– Обновит тебе стены, – я показала на Фунтика, прикладывающего коготки к бежевым обоям.

– Пускай, – Юля проводила инспекцию продуктовых полок, – Заодно и ремонт начнет, считай, на демонтаже сэкономим.

Не обнаружив никаких изысков, она принесла из машины пакет с провизией, припасенной для поездки.

– Макароны ешь? – она доставала и гарнир, и мясо для шашлыка. Шашлык у Юли – это обязательная часть программы, – Надеюсь, аллергии на глютен у тебя не найдется.

– Я все ем. Переодеться бы.

– Если одежда с собой, то занимай комнату слева от кухни, отдыхай, переодевайся. Если переодеться не во что, то выдам из своего гардероба.

– С собой, – не путешествую без необходимого минимума.

В комнате я стянула ветровку, прилипшую к рукам из-за жары в машине, и надела чистую футболку. Вместо привычных зауженных брюк – спортивные лосины. Нормально завязать хвостик на затылке не успела.

– Посмотрите, что делается! – кричала Юля явно не мне.

Она выскочила во двор, бросив возле кастрюли распечатанную пачку макарон, и помчалась в сторону грядок. Огромный сенбернар вгрызался клыками в теннисный мяч, залетевший в Юлин сад. Сенбернар прокусил игрушку и истоптал кусты клубники. «Ко мне, ко мне, мальчик» – верещала его хозяйка на бегу. Когда пес изволил повернуться, подставляя шею для присоединения поводка, Юля перекрыла вопли – «кто заплатит за клубнику?». Никто. Они сбежали.

– Давай поедем, – Юля оставила в покое кусты, – Желудок к горлу прилип.

Мы вернулись в дом и вдвоем приступили к приготовлению позднего завтрака или преждевременного обеда, кому как угодно это называть. Макароны и поджаренная колбаса. В окрестностях косили траву, шум газонокосилки, прорывающийся в дом, мешал разговаривать, настойчивые комары лезли из всех щелей.

– Сетку опусти, пожалуйста, – попросила Юля, сама она пробовала блюдо на соль.

Над открытой дверью, спрятанная за косяком, оказалась москитная сетка, служившая защитой от насекомых.

– Дверь, конечно, можно и закрыть, – Юля несла тарелки, – Но задохнемся от жары.

– На улице май, – я добыла вилки и вернулась к столу, – Причем май в наших холодных широтах.

– Не спорю, но с вентиляцией туго.

Подставляя лицо прохладному ветру, и щурясь от заходящего солнца, Юля зачитывала вопросы викторины, откопанной в недрах журнала из прошлого десятилетия:

– В каком известном романе фигурировали Джо, Мег, Бет и Эми Марч?

– «Маленькие женщины», – это легко, это я читала на первом курсе на нудных парах по философии. Профессор Романов любил не рассказывать, а зачитывать километровые монологи с презентаций, скачанных из интернета. Поэтому его никто не слушал.

– Кем был Чингисхан? – Юля выискивала что-нибудь оригинальное.

– Монгольский хан, ты и сама знаешь, – я лежала рядом, в другом гамаке, и с легкостью дотянулась до журнала, – Моя очередь. Объект, вокруг которого все вращается в гелиоцентрической системе?

Она приподнялась на локтях, выражая свое недоумение.

– Требуется перевод слова «гелиоцентрическая».

– Модель мира, где Солнце в центре Вселенной, – пояснила я, – Ошибки прошлых поколений.

Журнал у меня забрали. Юля положила его под спину и показала мне язык.

– Надоело, – сказала она.

Отдохнули, поужинали шашлыком и отправились спать в

девять вечера, потому что обе, особенно я, валялись с ног. Бессонная ночь, перетекшая в насыщенный день, напомнила о себе.

24 мая

К половине пятого утра, когда Юля ритмично храпела в зале, меня вырвали из сна раскаты грома. Ночная тьма отступала, однако из-за грозы света вокруг крайне мало. Со всех сторон напоззали тени. Незримиыми нитями прокрались в фантазии пугающие звуки. Уснуть снова не смогла. Мне казалось, что рядом кто-то есть.

Дачный участок. Всего лишь дачный участок. В саду полно инструментов и прочего железа, звенящего под ударами дождевых капель, ветер раскачивает деревья и их ветки бьются о крышу. Все объяснимо. Подкроватных монстров не существует.

Признала очевидный факт: в потемках мне чудился не подкроватный монстр, не домовый или злобная старуха, поджидающая путников в лесу, мне чудился треск ломаемого замка и скрип деревянной двери.

Дождь и гром не давали сосредоточиться и отделить от них остальные шорохи.

В обнимку с Юлей спал Фунтик, они с головой залезли под два одеяла, прячась от бушующей стихии. У ее кровати – стакан с водой. Когда мы расходились по своим койкам, Юля воду не брала, видимо, она тоже недавно просыпалась.

Прикрыв дверь в комнату Юли, я дошла до выхода и убедилась, что замки не потревожены, затем вернулась к себе.

В принципе, выспалась. Надев толстовку и домашние брюки, плюшевые такие, я пошла на второй этаж за книжкой: у родителей Юли четыре стеллажа с художественной литературой.

Читала, дремала, снова читала.

В семь часов по лестнице поднялась Юля.

– Не пугай больше, – сказала она, кутаясь в плед, – Я глаза открыла – светло, Фунтик твой отдавил мне ноги, а тебя самой нигде нет.

– Подумала, я способна на утренние прогулки по лесу? – гроза закончилась.

– Угу. Полина в поисках адреналина, – каламбур от сонной Юли. Поразмыслив, она предложила:

– А, правда, давай прогуляемся после завтрака, – у нее загорелись глаза.

– Сыро, – я поджала под себя ноги.

– Свежо, – не согласилась со мной Юля.

– Сначала организм должен получить калории, – уступила я.

После завтрака она вытолкала меня на улицу. Мы побродили без всякой цели, рассуждая о людях и трудностях, связанных с ними, потом Юля увидела пару грибов за пеньком.

– Зачем они тебе?

– Это же и для супа и для заготовок, – Юля несла грибы в жилетке, снятой с плеч, – Вечером поедем с мясом и картошечкой. Знаешь, насколько вкусно?

– Догадываюсь.

Наступая на еловые иголки и ветки, я следовала за Юлей по пятам во время ее грибного марафона. Закончилась наша прогулка у озера, окруженного лесом и густым кустарником, плавно переходящим в траву у самого берега. Кое-где виднелся песчаный пляж.

– Какая температура должна быть у воды, чтобы купаться? – Юля сняла кроссовок, – 22 градуса или больше?

– 22, наверное, хватит, – отозвалась я, и Юля сняла второй кроссовок, – Ты же не полезешь туда?

– Почему нет? – жилетка с грибами оказалась на валуне, который расположился у водной глади.

– Потому что 22-х градусов нет, – подул холодный ветер, подтверждая мои слова.

– Обидно, что похолодало.

– Ночью гроза была, – сказала я, садясь на валун возле вещей, – Вчера под вечер не вздохнуть было, затем ливень до самого утра, вот тебе и ответ, почему духота сменилась прохладой.

Оставив идею искупаться, Юля подвинула куртку и присоединилась ко мне, сев так, что кончики пальцев ног достали до воды.

– Считай, открыла купальный сезон.

Равномерный шум воды и крохотные волны, расплзающиеся по поверхности озера, забрали грустные мысли. Не зря я поехала с Юлей. Гораздо полезнее, чем кидаться дома

на стены.

– Жаль ту девочку, – Юля повернулась ко мне.

Она говорила о Дине с тщательно скрываемым волнением, боялась коснуться того, что разрушит хрупкий каркас моего морального состояния.

– Она заслуживала большего, – выдохнула я, – У нее в телефоне сохранились фото некоторых картин, любительских, но достойных. В них чувствовалась какая-то... мечта.

Мы одновременно посмотрели вдаль, туда, где за лесом скрывался горизонт.

– Красивый бы получился некролог, – сказала Юля.

– Некрологи все красивые, – ответила я, – Только разницы никакой.

Приятная обстановка стала мрачной.

– Разница есть, – развила мысль Юля, – Ты хочешь, чтобы тебя поминали хорошим словом или плевали на могилу? Держу пари, что первый вариант.

– Я хочу жить. Подольше.

С этим не поспоришь. Юля надела кроссовки обратно, ее ноги в воде мерзли, прыгнула с валуна и прошлась по песку, вычерчивая веткой незнакомые мне символы.

– Можешь прочитать? – задала вопрос Юля.

– Похоже на английский, – я тоже слезла с камня, – Буквы очень-очень напоминают английский алфавит, но это не он, так ведь? Латинский?

Она кивнула.

– Aetate fruere, mobili cursu fugit, – Юля перевела, – «Пользуйся жизнью, она так быстротечна». Ну, в общих чертах перевод такой.

– Ты, оказывается, полиглот, – я нарисовала рядом знак бесконечности, не знаю, почему, – Где латынь выучила?

– Одну-единственную фразу. У бабушки была книжка с известными изречениями на латыни. Эта фраза мне приглянулась.

Мы чертили, писали и рисовали, как малые дети, увлекшись новой игрой. Снятие стресса, наверное. Надо запатентовать способ. Когда на песке не осталось ни одного нетронутого клочка, мы побросали ветки в траву, закончив снимать стресс.

– Не злись из-за Константина, – Юля решила сменить один тяжелый разговор на другой, – Он не просил тебя увольнять.

– Опять за старое?

– Но это правда. Когда ты уехала, Константин пришел к тебе с предложением перейти в другой отдел. Он уговаривал Эдуарда Викторовича отправить племянницу туда, но она не захотела ни в какую.

– Лично слышала?

– Да.

– Лично слышала все или то, что сказал Костя?

Я перешла в своих рассуждениях на «ты». Покончила с формальностями. Наверное, переход на «ты» с человеком,

хотя бы мысленно, переводит ваши отношения в ранг личных. В нашем случае, возвращает их в ранг личных.

– Все. Он расстроился, когда понял, что ты уже сделала собственные выводы и умчалась, я поработала для него психологом. Пришел Эдуард и завел свою шарманку про стажировку, Костя долго упрямылся, уговаривая не совершать необдуманной перестановки кадров.

– Понятно, – заключила я.

Хорошо. Бонус для его кармы, что не мстил, тем более столь низким образом.

– Ты с ним встретишься?

Я подумала.

– Нет. Отношения у нас скомканные. Не получилось со свиданием, не получилось дальше. Тенденция, знаешь ли.

– Жаль.

– Тебе же лучше. Вот станет подруга жить с твоим начальником, про тебя рассказывать будет. Оно тебе надо?

Я говорила Юле о Константине, а сама думала о грибах. Незнакомы мне они. Совершенно. В мае вообще можно собирать и употреблять грибы? Юля завернула свои находки обратно в жилетку, почувствовав мои недобрые подозрения.

– Ты сама не своя, – сказала она, – Полгода назад, когда мы без приглашения встречали тебя в аэропорту с остатками багажа, ты выглядела счастливой. Бабушка твоя... я все понимаю, Полина, каждый, кто терял близкого человека, поймет, но ты тонешь в своих страданиях. Закрылась в четырех

стенах, заменила друзей котом, за которым не поленилась в соседний город съездить, а на годовщину свадьбы моих родителей не явилась. Прячешься.

– Не прячусь.

– Ага. Как сказала, ты «перевариваешь». На Костю обиделась понапрасну, на меня сорвалась. Полин, может, тебе помощь какая нужна? С работой нелепо получилось. Я думала, что спасаю тебя, но увольнение... Прости меня.

От меня ждали вразумительного ответа. Юля выжидала, затаив дыхание. Что ей сказать? У меня нет других близких людей. Есть Юля и Эля. Кроме них, никто не обнимет меня, когда я буду плакать.

– Я люблю тебя. Забудем об этом, – сказала ей, разворачиваясь в другую сторону, – Не хочешь поискать дорогу обратно?

Она сверлила меня взглядом. Поморгала, приняв ситуацию и переключилась:

– Искать? У меня с топографией проблем нет, – Юля стряхнула песчинки с нижнего края штанов.

– По звездам пойдём?

– По мху на северной стороне деревьев, – отозвалась Юля, – Хватай вещи, уж не заблудимся в двух километрах. Полина. Все будет хорошо. Не думай о той бедняжке, ее, конечно, очень жаль, но в этом нет ничьей вины. Ты не изменила бы ее решение.

– Нормально все, – я шла к кромке леса.

– И не бойся, – догнала Юля, – С тобой ничего не случится.

25 мая

Проснулась от того, что меня бесцеремонно толкали. Выходные всегда заканчиваются не вовремя. Я только-только привыкла к безмятежному пению птиц на даче, как требовалось встать и покинуть помещение, вернувшись обратно к городу и своим демонам.

– Слава Богу, тебя не добудешь, – Юля стояла надо мной и держала бокал.

– Не говори, что собиралась окатить меня водой, – веки слиплись, лицо опухло.

Два часа в дороге пролетели незаметно. Юля слушала аудиокнигу, новомодную историю о запретной любви, я с телефона сидела в интернете, просматривая двадцатый психологический сайт. Нужны были дельные советы, как преодолеть страх ночевать одной. Из полезного нашла номера скорой помощи и полиции. Добрый человек с анонимного аккаунта рекомендовал представить, что вы не одни дома. Чудесно. Последнее, что мне нужно в пустой квартире, подвергшейся нападению, посреди ночи – это мысль о наличии в ней кого-то другого. Особенно успокаивает на фоне проживания в одиночестве.

Аудиокнига закончилась. Юля припарковалась на обочине и с раздражением закрыла программу. Я пропустила, чем там все обернулось для героев.

– Настолько плохо?

Она сделала несколько глубоких вдохов.

– Он умер, – Юлия прислонилась лбом к рулю, – Откуда в авторах столько жестокости? Какой цинизм. Довести персонажа до трех финальных страниц, обещать ему любовь, понимание, в конце концов, обеспеченную старость, и позволить умереть от руки человека, ради которого он лишился всего?

– Может, в том и суть? – я закрыла форум, – Изворачивайся, как угодно, надрывайся из последних сил, но никто не гарантирует признания или благодарности.

– К выводам претензий нет, реальность жестока, – Юлия отщипнула кусочек булки, лежащей в пакете, – Просто в этом не было никакой нужды. У них и врагов-то не осталось: всех вычислили, кто-то раскаялся, кто-то погиб. Буквально три страницы потерпеть до счастливого конца! Нет. Понадобилось придумать предательство от брата.

– Обидно, – помощник из меня никакой.

Сама знаю, насколько больно бывает даже от ненастоящих историй. Подобрать слова для поддержки не могу.

– Жизненно, – вздохнула Юлия.

– Вдруг есть продолжение?

Кстати, отличный принцип. Если история не устраивает, придумать ей свое продолжение.

– Точно нет, – она завела двигатель, – Переживу. Напоминание о несбывшихся желаниях, сказку никто не обещал.

Юля включила радио, и до моего адреса ехали под невнятные песни незнакомых исполнителей.

– Останови у метро, – сказала я, – Дойду.

– Подвезу в целости и сохранности к дому, – она смотрела на знаки, – Нечего бродить по безлюдным улицам.

Я огляделась. Город к семи утра проснулся, дворы и проспекты заполнили люди, спешащие по делам. У перекрестка, под сломанным светофором, собралась целая толпа из желающих перейти дорогу, однако водители не притормаживали, пропуская пешеходов. Всем нужно успеть вперед.

– Вроде, не такие улицы и безлюдные, – указала на самый популярный участок пути, на котором яблоку негде упасть.

– Все равно, – отделалась от меня Юля, – У нас доставка до двери.

Во дворе пусто. От езды я начала уставать километров пять назад, хоть и не напрягалась за рулем.

– Твоя зайка стоит, – Юля указала на мою черную машину, – В отпуске будешь меня катать на ней.

– Разве не ты хвасталась июльскими билетами? – спросила я, – Отель с мамой выбирали, пляж на фотографиях с лупой рассматривали, чтобы без камней и палок.

– Не порти фантазии, – Юля проверила время, – 07:15, скоростное передвижение у нас сегодня. Десять минут на дорогу до бутербродов, десять минут на еду, пять – на переваривание, и за двадцать минут вполне долечу до офиса. Кто молодец? Я молодец.

Ни разу не замечала у нее такой пунктуальности.

– До встречи, – я вылезала с нагретого сидения.

Юля помогла достать вещи:

– Пора.

– Спасибо за дачу.

Два дня были в режиме отключение от времени. Перегрузка вдали от источника проблем.

– Полина, – догнала Юля, вновь выскочившая из машины, – Если будет плохо, то знай – всегда можешь на меня рассчитывать. Дачу и лес на постоянной основе, конечно, предоставить не смогу, ездить долго, зато диван на моей кухне железно закреплен за тобой.

– Я...

– Видела я твои запросы в поисковике, – она подмигнула, – Не верю в ерунду с заговором, и ты не верь, чисто на всякий пожарный предлагаю позитивный вариант.

Я обняла Юлю, вкладывая в действие всю признательность. Не так и страшен груз ответственности, когда есть люди, готовые его с тобой разделить. Юля, поправив макияж, вернулась на водительское место и одними губами прошептала, как сильно собирается скучать.

Машина Юли скрылась за поворотом, она наверняка выехала за пределы двора, когда я вдруг обнаружила, что пакет очень легкий. Он стал меньше. Сменных кроссовок, брошенных сверху, нет. Пакет стоял внизу, под задним сидением, видимо, кроссовки вывалились по пути.

– Юль, – рискнула и позвонила ей сразу, – Слышишь?

– Соскучилась? – спросила она, в голосе звучал смех, – До остановки еле доехала.

– Посмотри, пожалуйста, у тебя там не валяются кроссовки?

– Ага, лежат, – ответила она, – Прости, вернуться обратно не могу, крюк придется сделать огромный. Они очень нужны?

– Не очень, просто убедилась, что не посеяла их, – я завершила разговор, пожелав Юле хорошего дня.

В кармане куртки дыра, по размерам напоминавшая склад, мобильник провалился в подкладку. Я замешкалась, вытаскивая его оттуда и расстегивая молнию на сумке, в нее надо будет убрать телефон, иначе не хватит рук при открытии дверей.

Отошла к закутку рядом с каморкой дворника и поставила переноску с Фунтиком на бордюр.

Это ката и спасло.

Сзади раздались шаги. Чья-то холодная рука больно схватила за шею, не позволяя оглянуться, пакет я уронила, из раскрытой сумки, висящей на плече, посыпались вещи.

Взлетела стайка любопытных птиц.

Я, кажется, закричала перед тем, как с размаху приложиться о кирпичную стену. Ориентация в пространстве меня покинула вместе со зрением. Человек, удерживающий за шею, отпустил, едва я стала заваливаться на бок. Пострадав-

шая голова получила бы новый удар, на этот раз об асфальт, если бы я не подставила при падении локоть.

Видеть не могла. Все мутное, в глазах слезы, движение головой отдается пульсацией в теле. В содранную кожу впи-ваются мелкие камешки, хотя такая незначительная деталь не волнует. При попытке перевернуться на спину я прочув-ствовала подошву чужого ботинка, меня вернули в исходное положение и прижали сильнее.

Легкий рывок – и вещи, не выпавшие из сумочки сразу, выдраны насильственным образом.

Человек забирал мои ценности. Это ничего. Это не беда. Лишь бы отстал.

Рядом раздался лязг, похожий на звук складного ножа. Я подняла голову. На разглядывание человека энергии не было, действие, скорее, неосознанное и рефлекторно. У него нож. Если это правда, то жить мне не больше минуты. И я завопила, привлекая всех, кто мог оказаться поблизости, за что получила новый удар.

К счастью или сожалению, резкий толчок отключил от происходящего.

Пока лежала, сумку обчистили, часть предметов, судя по стуку, забирать мужчина не стал, а бросил.

Сознание не ушло без следа. Это накатывало волнами: что-то слышно, что-то чувствовалось, потом – вакуум, и возвращение к реальности. Я боролась. Конечно, не с нападающим, на него сил не хватило бы и при самом выгодном рас-

кладе, я боролась с собой. Шум проезжающей машины и удаляющиеся шаги я не слышала, а именно чувствовала перед очередным погружением во тьму. Вынырнула из нее, сжимая рукой упавший пакет, от похлопывания по щекам. Рядом со мной сидели, приводя в чувство, далекий и близкий голос произнес:

– Вода в машине.

Опять провал, конец фразы разобрать не представлялось возможным. Чуть дальше, будто повыше, другой голос бормотал:

– Среди бела дня. Это и я, и моя жена, и любой из нас мог попасть под раздачу. Девочка дышит? Сотрясения у нее нет?

Знакомый голос. Какой день, если сейчас раннее утро? Потрясающе удобный момент караулить кого-нибудь во дворе.

– Я не экстрасенс, по ауре наличие сотрясения не определяю, – ответил человек, сидящий ближе, – Вызывайте полицию.

Боюсь, полиция к нашему дому соваться не захочет. Проклятие сплошное кругом. Меня приподняли, провели по голове, проверяя раны и шишки, и чем-то укрыли.

– Не надо никого вызывать, – прохрипела я, не открывая глаза, – Мне и так хорошо.

Разговоры немедленно прекратились, зрители ожидали следующих заявлений, пока я собирала обрывки мыслей в одну картину. Захват. Удар об стену. Падение. Вещи. Садня-

щая рана отступила на второй план, на первый неотвратимо выходила головная боль, а в косметичке, зарытой в глубине пакета, есть ибупрофен.

– Бредит, – констатировал второй голос.

– Полина, не двигайтесь какое-то время, возможно, травмы серьезные, – нервным тоном сказал первый, – Внутреннее кровотечение нельзя исключать, до приезда врачей не вставайте.

Конечно, ему виднее, не он же лежит на голом тротуаре. Я подтянула пакет, насколько смогла, и стала искать свою передвижную аптечку на ощупь.

– Это шок, – заявил второй человек, явно пересмотревший «Клинику», – Дезориентация, потеря сознания, слабость. Бедняжка еле шевелится и бессмысленно двигается – это сто процентов шок.

Ко мне даже вернулась способность анализировать от таких чудес диагностики.

– Таблетки, – набрав в грудь воздуха, пояснила, – В пакете косметичка с лекарствами, я могу лежать хоть до обеда, только раскалывается голова, которую мне чуть не отбили.

Кстати, да. От такого удара я могла навсегда прописаться в больнице под аппаратами, продлевающими жизнь. Будем считать, отделалась легким испугом. Не тошнит, кости, вроде, целы, да и лужи крови нет.

Щелчок в голове – первый человек обратился ко мне по имени, но из местных мужчин я знакома лишь с дядей Ми-

шей, который, судя по всему, был вторым из компании по спасению.

Когда открыла глаза, дядя Миша, продолжая играть в доктора, демонстрировал четыре пальца.

– Сколько?

– Четыре, – ответила я, трогая кожу над виском тыльной стороной ладони. Крови совсем мало.

– Соображает.

Вердикт оригинальный. Без дополнительных комментариев мне на ноги положили пачку обезболивающих таблеток.

– Напрасно сели, – сказал тот, на кого я не смотрела, потому что он сидел за моей спиной. Не оборачиваясь, узнала голос. И узнала куртку, накинутую на меня. После случившегося можно предположить, что это последствия удара. Вроде, галлюцинации входят в перечень основных признаков сотрясения мозга.

– Костя? – я обернулась, – Боюсь даже спросить, что ты тут делаешь в семь утра.

– И не спрашивай, – легко согласился он, краснея.

– Вы знакомы? – Михаил не самый внимательный человек в городе. Определенно, не самый.

– Немного, – ответила я.

– Коллеги, – выдал свою версию Костя.

Это потом.

– Где он? – спросила я.

– Убежал, – сказал Костя.

Они оба видели, как нападавший скрылся с моими вещами.

Я встала, шатаясь и держась за руку Кости, подняться смогла сама, не принимая никаких возражений. Михаил держал пакет, Костя кривился от моей неразумности.

Яркий рассвет спрятался за облаками, начнется дождь – к травмам добавится ангина или воспаление легких, поэтому я вернулась в вертикаль. Разбираться, почему бывший руководитель почтил меня своим присутствием, конечно, нужно не при Михаиле. И без того после этого выступления сплетни обо мне побьют все рекорды рейтингов тринадцатого дома.

Из дорогих вещей уцелели ключи. Кошелек нигде не было. Золотой браслет, который я сняла перед поездкой на дачу и сунула в сумку, также канул в лету. Телефон остался при мне, он так сильно пострадал при падении, что интереса не представлял. Михаил держал мою расческу, напрочь растянутую резинку для волос, пару листочков из блокнота и три квитанции ЖКХ еще со съемной квартиры. Потери – браслет и кошелек. Сколько в кошельке было? Около восьми тысяч. Нет, семь с половиной, пятьсот рублей я заплатила за батончики и кофе с коробкой конфет.

– В полицию? – спросил Костя.

Его черная куртка, которая грела мои плечи, пропиталась легким ароматом парфюма. Порыв – поскорее избавиться от

неугомонного Кости. Мало мне историй с работой? По этой причине я бежала, бросив трудовую книжку на растерзание, по этой же причине поскандалила с Юлей. И снова здравствуйте.

Но сегодня Костя невероятно учтив и заботлив, не появившись он рядом, неизвестно, чем бы дело кончилось. Его заслуги, правда, в этом нет, всего лишь счастливая случайность.

– Домой. Помогите, пожалуйста, дойти, – я перевела взгляд на Михаила, – Лифт до сих пор не починили?

– Дождешься от них, – ответил Михаил, имея в виду ремонтников.

Ковылять пришлось до пятого этажа. Очаг боли в голове, не в ногах, только каждое движение все равно давалось с трудом. Мы шли цепочкой: Михаил нес сумки, Фунтика и открывал двери, Костя придерживал меня.

– Спасибо, – кивнула я Михаилу у своей квартиры, он недоверчиво посмотрел на Константина и задержался на площадке.

Царапин на верхнем замке стало больше, нарисовалась одна кривая и глубокая. Очень хорошо отрезвляет.

– Костя, не хочешь зайти ко мне?

Дядя Миша удивился. Да неужели? Даром мне Костя не сдался, а вот для подстраховки вполне подойдет. За безопасность квартиры я поручиться не могла.

– Полина, я до трех никуда не собираюсь, – добавил Ми-

хаил и без церемоний обратился к моему спутнику, – Вас, молодой человек, смогу опознать без проблем.

Будь я Костей, я бы обиделась. А он, не теряя самообладания, понимающе хмыкнул, принял из рук в руки мои котомки у Михаила и даже рта не открыл.

– Коврик скользкий, – предупредила на входе.

Не стала разглашать детали событий двухдневной давности, почувствовав, что на лестнице количество людей увеличилось, я подтолкнула Костю внутрь. В подъезде громыхал топот десятков ног. Наверное, Дину сегодня хоронят.

Естественно, визит Кости я не планировала. В прихожей остался семейный альбом и чашка с глотком кофе, как я надеялась, что хотя бы без плесени. Плесень не образовалась, зато на полу образовался цветной носок, используемый Фунтиком в комплекте с остальными игрушками. Перед уходом я ничего не замечала.

– Три секунды, – я скрылась в ванной комнате.

Сбросила порванную куртку и отмыла кровь с локтя, рану на голове тереть опасалась, просто побрызгала на лицо прохладной водой, остужаясь.

Когда возвращалась обратно, к Косте, приготовилась отвечать на шквал вопросов и оттаскивать его от предметов интерьера, но Костя стоял на коврике, не сдвинувшись ни на миллиметр, почесывал Фунтика и даже не смотрел по сторонам. Он не ходил по комнатам и ни к чему не прикасался. Не заваливал вопросами. Культурно ждал.

– И не спросишь, как я здесь оказался? – Костя отпустил кота. Фунтик требовал продолжения банкета.

– Что тут непонятного? – я подошла к зеркалу, – Юля.

Кто, кроме нее, мог предельно точно назвать время нашего возвращения? Костя ведь не гулял у пруда, подкармливая уток, он ехал пообщаться со мной.

Он молчал. Ну, конечно. Вариант в любой случае проигрышный. Признает, что Юля поспособствовала, тогда мы с ней поругаемся, она обидится и на него, и на меня, следовательно, среди моих друзей у Кости появится личный враг. Скрыть участие Юли нереально.

– Она не виновата.

– Паяльник? – приложила ватку к ссадине, – Или ты пригрозил ей лишением должности? На какие злодеяния ты способен, что бедной девочке некуда было деться?

Взглядом Костя прожигал мою спину. Все я знала и понимала. Юля не носит значок городской свахи, рьяный интерес к моей личной жизни от нее исходит впервые.

– За кого ты меня принимаешь? – изумление от Константина.

– Сарказм – это язвительная насмешка, – заметила я, хорошо, что рана поверхностная, – Допусти я мысль, что Юля сделала это из скверных побуждений, то ни один из вас бы не пересек порог моего дома.

– То есть, все нормально? – уточнил Костя.

– Относительно.

Ибупрофен действовал. После такой дозы адреналина и облегчения при уходящей боли ко мне короткими перебежками возвращалось хорошее настроение.

– Юля сказала, почему ты уехала. Зачем? Да, у нас есть определенные сложности, и возникли они раньше, но я не стал бы использовать работу для сведения счетов. Мне и злиться, честно говоря, не на что. Мы нормально и не поговорили.

Многовато людей взяли привычку замаливать грехи в моей прихожей. Дина тоже принесла извинения. За подругу. Костя объясняет, дескать, не его это наглость, это ошибка.

Историю я знала от Юли. Было важно, насколько она совпадет с его версией.

– Все-таки спрошу – это не попытка свалить вину на меня?

Столько событий за утро.

– Нет, разумеется, нет, – попятился он, чуть не налетев на Фунтика, – Я хотел зайти и сказать лично, что ты в любой момент можешь вернуться.

– И Юля дала карт-бланш на поездку ко мне.

Костя не прошел дальше двух метров, крутился между вешалкой с куртками и стеллажом для обуви.

– С Эдуардом все разрешилось, я подобрал его племяннице вакансию в другом филиале, как раз они ждали помощь. Если бы знал, как ты отреагируешь, придумал бы что-нибудь быстрее.

Извиняться потом придется уже мне. Опять я самая виноватая. К Юле не прислушалась, Костю обвинила.

– Разговор и для меня неловкий, – поддержала его.

Костя оживился, широко улыбнулся и прекратил трепать несчастную вешалку для верхней одежды.

– Признаю – не права, – я развернулась к нему, – Ополчилась на тебя, не разобравшись.

Он кивнул.

В комнате я накрасила губы бордовым блеском, скрывая дрожь и неуверенность. Как помада может с этим помочь? Не знаю. Но с ней немного легче. Юля, ее попытка меня чем-нибудь, скорее, кем-нибудь занять, Костя с его благородными намерениями, Фунтик, умоляющий о тарелке с кормом – это текущие проблемы.

После удара о каменную стену они казались пустыми, как кувшин, привезенный мамой из Египта.

Кто-то сегодня хотел денег или моей смерти. Если хотел денег, то пусть берет. Если другое... Не было в моей богатой биографии дня, когда я использовала бы слово «смерть» по отношению к себе. Кремация родителей проходила в состоянии дикой истерики, я не соображала ничего, пока бабушка не залепила звонкую пощечину так, что моя помада размазалась. Черная помада. Все черное. И ленточки, и костюмы, и помада, купленная по случаю за год до трагических событий. Ту помаду я смывала в туалете на ближайшей заправке. Маслянистый краситель, не сдающийся холодной воде, пре-

вратил мое лицо в месиво из краски, красноты и слез. Но даже тогда я не ощущала смерть в полной мере.

Родителей не стало. Я была жива.

– Готов? – я спросила только ради одного – Костя должен быстрее испугаться и уйти под любым предлогом.

– К чему?

В мое отсутствие он, видимо, не шевелился, продолжая разглядывать телефон. Это делает ему честь. Тактичность высоко ценилась всеми родственниками до пятого поколения.

– Ты хотел вызывать полицию, – вместо порванной куртки на мне приталенный пиджак, – Я тоже захотела. Через пару дворов, на соседней улице, есть отделение полиции, пусть и они потрудятся.

В прозрачную бутылку из-под сока я налила миллилитров четыреста, чуть не доходя до горлышка, фильтрованной воды.

Костя подал руку, когда мы вышли из квартиры.

– Зачем? – находясь на ровной поверхности, я не понимала, к чему такой жест.

– По лестнице ты сама не спустишься, – ответил он.

Я все могу сама. Доехать до отделения, дабы написать заявление или посетить клинику, проверяя, нет ли поводов для госпитализации – все могу.

Заявление, написанное по всем правилам и соблюдая все

пункты, у меня приняли не слишком охотно. Молодой человек нервничал:

– Ограбление? Действительно? До обеда хоть подождали бы, – он налил кипяток в чашку.

– Шутите?

– Настроение у него с утра отвратительное, – другой полицейский перехватил инициативу.

Я в долгу не осталась:

– У меня тоже плохое настроение, побили тут немного, товарищ капитан, – да, я умею различать звания по погонам, – отобрали деньги и золотое украшение, мой друг – свидетель.

На слове «друг» Костя заметно повеселел. Лейтенант посмотрел с недоверием.

– Хорошо, – принял документы.

Его старший коллега, узнав номер дома, изменился в лице и поинтересовался, что у нас там за портал в криминогенный мир, с которым столько проблем.

– Это серия? – Константин, не поворачивая головы, покосился на меня, и взял документ со стола, – Почему ты сразу не сказала, что это повторяется регулярно?

Он меня воспитывать собрался?

– Потому что нет никакой серии, – я забрала из его рук заявление и вернула на стол, – Они о другой истории, совершенно не связанной с этим инцидентом.

Формально, конечно, я говорила кристально чистую правду, между самоубийством Дины и мелким грабежом непро-

лазная пропасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.